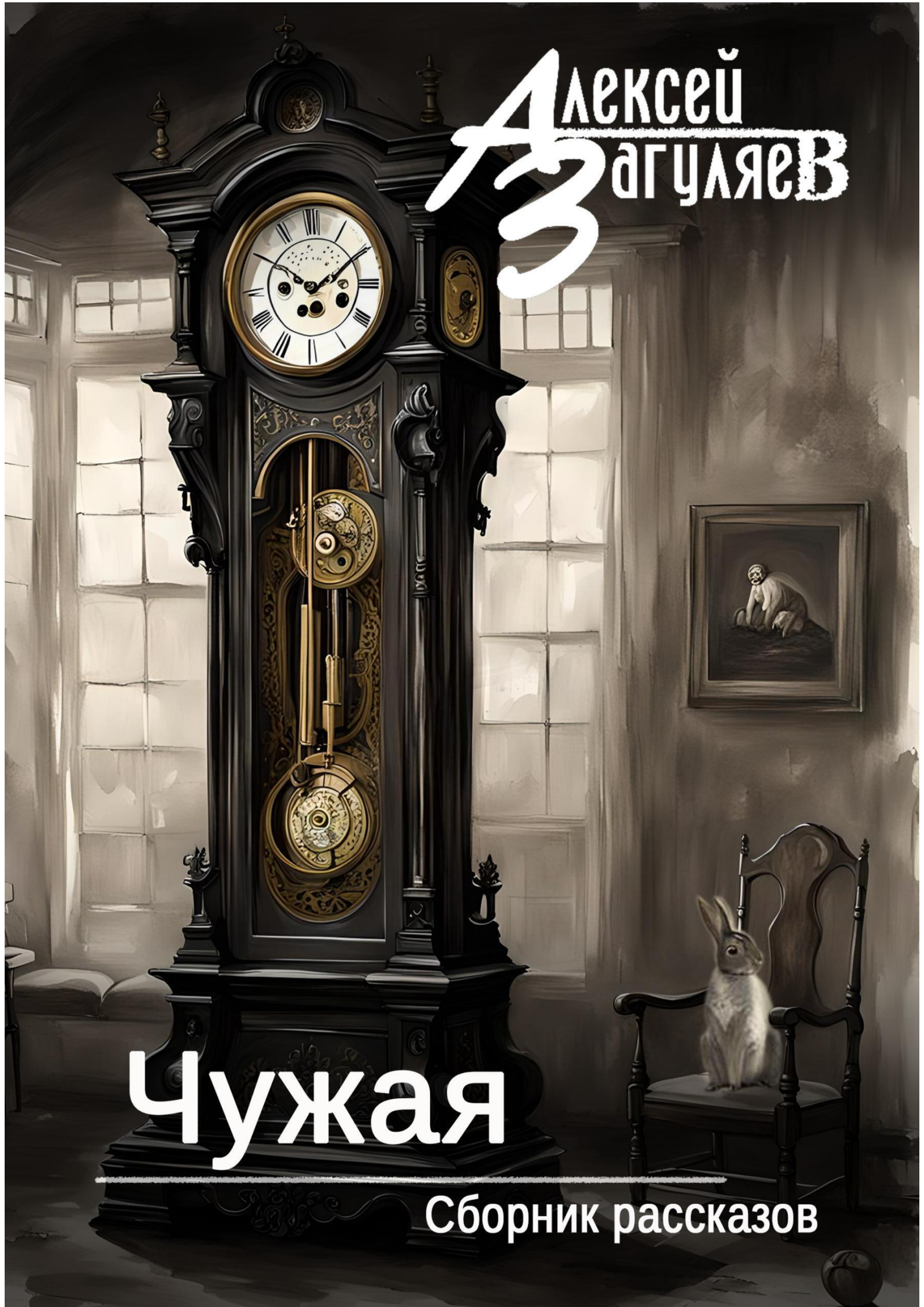

Алексей
Завгужаев

Чужая

Сборник рассказов

Алексей Загуляев

Чужая. Сборник рассказов

«Автор»

2024

Загуляев А. Н.

Чужая. Сборник рассказов / А. Н. Загуляев — «Автор», 2024

В сборник вошли рассказы, с которыми можно познакомиться и по отдельности. Восемь историй, объединённых юмором в большей ("(Не)весёлая свадьба") или меньшей ("Стечение обстоятельств", "Чужая") степени, иногда на грани драмы ("Синдром Лазаря"). И конечно же, никуда не делись детективные и мистические нотки ("Дыра") на фоне, казалось бы, вполне обыденной жизни.

© Загуляев А. Н., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Остров	5
Лифт	20
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Алексей Загуляев

Чужая. Сборник рассказов

Остров

В психологии существует пять стадий принятия неизбежного: отрицание, торг, гнев, депрессия и принятие.

День первый. Пора, красавица, проснись

Эля открыла глаза.

Кисея полого мелко содрогалась от лёгкого ветерка, будто трепетала в благоговейном восторге перед очнувшейся ото сна принцессы. Наверное, Венечка не закрыл с вечера окно. Но ветерок был приятным, прохладным ровно настолько, чтобы почувствовать, что сон закончился и начинается новый день. Эля потянулась, чувствуя, как кровь начинает ускоряться по венам. В висках запульсировало, в голове слегка зашумело. Выпили вчера совсем чуть-чуть, чтобы не смазилось впечатление от предстоявшей ночи. А ночь-то получилась что надо! Первая брачная. Не то чтобы до этого не было между ними чего-то подобного, – просто, как ни крути, а статус ночи всё равно являлся особенным. В мыслях до сих пор крутились страстные воспоминания и образы, и Эле захотелось всё это повторить. Прямо сейчас, не откладывая и не позволяя страсти улечься.

Огромная кровать под золотистым балдахином могла бы вместить пятерых. Эля пошарила слева от себя рукой в надежде найти плечо или грудь Венечки, но ощутила только прохладу атласной простыни. Она повернула голову. Любимого рядом не оказалось. Только помятая подушка сохраняла ещё ямку в том месте, где была его голова. Эля улыбнулась, переместилась на другую половину кровати и всем лицом прижалась к подушке. От неё терпко пахло супругом. Но где же он? С улицы не доносилось никаких звуков, вода в душе не шумела, и с кухни не тянуло ни ароматом кофе, ни запахом слегка подгоревших тостов. Жаль. А так хотелось продолжения... Теперь уже не получится, даже если Венечка с подносом в руках, заваленным клубникой и гроздьями винограда, войдёт в спальню.

Эля уселась в постели, нащупала ногами мохнатые тапки, с трудом обулась и подошла к окну. Погода, как и вчера, стояла чудесная. Сверкающую на солнце гладь огромного озера, берегов которого из окна не было видно, зигзагами бороздила лёгкая рябь. Метрах в пятидесяти от берега плавали чайки, похожие на белые поплавки. Недлинный деревянный пирс оказался пуст, хотя вчера в полдень они с Венечкой пришвартовали там моторную лодку. А вот это, однако, странно... Куда делась лодка? Элю на секунду обдало неестественно холодным порывом ветра. Чайки на озере встрепнулись, взмыли в воздух и заголосили, разлетевшись в разные стороны. Над тем же самым местом зависла только одна.

Эля наскоро оделась, переобулась в кроссовки и выбежала на улицу.

– Веня! – крикнула она и вслушалась.

В ответ не послышалось ни движения, ни голоса мужа.

– Веня, – уже чуть тише сказала Эля. – Это не смешно, Венечка. Где ты? Ну хватит меня пугать. Я испугалась. Сдаюсь.

Но никто, казалось, не слышал её. Даже окружающие предметы как бы не обращали на неё внимания, продолжая безучастно стоять, лежать и просто валяться: пенёк с воткнутым в него топором, ржавый мангал, которым, судя по всему, давно уже никто не пользовался, и такие же ржавые грабли, прислонённые к перилам веранды.

Эле захотелось выругаться, обозвать супруга самыми обидными словами, но она сдержалась, чувствуя, как сжимается от нехорошего предчувствия её грудь. Неужели уехал? Лодки нет. Пришвартовать её больше негде, кроме как у этого пирса. Очевидно же, что уехал. Но куда? Зачем? Почему не предупредил? Если что-то случилось, то обязательно должен был предупредить. А если это всё-таки шутка, то Веня не в своём уме, потому что даже в шутках необходимо знать меру. А здесь мерой явно никак не пахло.

Эля снова вернулась в дом. Прошлась по всем комнатам. Да что там ходить-то? Спальня, кухня, душевая, туалет и крохотная каминная, в которой даже камин оказался ненастоящим, а просто электронной иллюзией. Разумеется, Венечку она там тоже не нашла.

Она бросилась в спальню, нашла на тумбочке телефон и хотела уже набрать номер супруга, когда увидела прижатую пепельницей записку, испещрённую крупным почерком мужа.

«Извини, малыш. Я вынужден был уехать, потому что обманул тебя и не решился сказать об этом в глаза. Я подожду, пока ты успокоишься, хорошенько взвесишь новые обстоятельства, и вернусь за тобой, чтобы принять любое твоё решение. Я вовсе не тот богач, каким тебе представлялся. Я самый обыкновенный парень, только, может быть, романтики во мне и авантюризма чуть больше, чем в других. Этот дом – единственное, что целиком и полностью принадлежит мне. А всё, что ты видела раньше, устроили для меня друзья – арендовали на месяц дом, украшения, одежду, автомобиль... Сейчас не буду углубляться в причины того, почему я так поступил. Объясню потом, если ты считаешь нужным. Прости».

Бред какой-то. Эля не могла верить своим глазам. Веня ли вообще всё это писал? Она не знала его почерка. Откуда бы? Записками друг с другом они не обменивались. Нет-нет-нет... Чушь собачья. Какие друзья? Какие аренды?

Эля снова схватила телефон. Нашла контакт Венечки и попробовала набрать. Сети не было. Ну да, конечно, он же предупреждал, что сотовый тут не ловит. Для звонков существовал в каминной спутниковый телефон. Так, по крайней мере, говорил супруг.

Возле фальш-камина Эля действительно обнаружила не совсем обычного вида телефон. Но тот вообще не работал. Неужели и в этом Венечка её обманул? Эля щёлкнула выключателем – свет в доме тоже отсутствовал. Веня рассказывал, что всё в доме работает от генератора, установленного в подвале. Кончилось топливо? Скорее всего. И если это так, то можно подвести предварительные итоги: она застряла на острове, затерянном в глубине огромного озера, без связи, без света, без запасов еды и без возможности выбраться отсюда на большую землю. На руках имела только записка с невразумительным содержанием и воспоминания о безумном месяце, который перевернул жизнь Эли на сто восемьдесят градусов, загнав в конце концов в эту ловушку. Будто всё это ей приснилось, и только сейчас кто-то затряс её за плечо и она проснулась. «Эй, дурочка, вставай! Хватит уже пускать слюни! Всё не так, как ты себе представляешь».

Эля схватила с тумбочки пачку сигарет и зажигалку и снова вышла во двор. Ещё раз осмотрелась. Ничего нового. Прошла на самый край пирса, села, свесив ноги и почти касаясь воды. Здесь ветер казался сильнее. Стало и впрямь прохладно. Эля поёжилась и закурила.

Ну как же так её угораздило-то? Полная растерянность мешалась внутри неё с возрастающей злостью. Какими бы ни были причины, по которым Веня бросил её одну, она никогда не сможет простить за это его. Всё выглядело настолько глупо и унижительно... Словно она какая-то заводная одноразовая игрушка – потешился, посмешил себя и своих дружков и оставил что-то там ещё обдумывать. И что за чушь про то, что он не богат? На её глазах он уже потратил столько денег, что ей хватило бы на два года безбедной жизни. Ради чего? Ради того, чтобы её поразить? Так она же не принцесса какая и не «мисс вселенная», чтобы таким образом пытаться её кадрить. Хватило бы и одного похода в приличный ресторан и нескольких добрых слов. Так что не в бедности дело – это уж точно. Здесь что-то другое. Но что? А вообще, знала

ли она своего Венечку настолько, чтобы делать какие-то выводы и принимать скоропалительные решения? Когда они познакомились? Месяц назад. Точнее, тридцать четыре дня, пятого июля, в Салониках, куда Эля вообще приехала со своим женихом Егором и даже думать не думала о том, что эта поездка так изменит её жизнь.

С Егором они планировали на двенадцатое августа свадьбу. Так получилось, что медовый месяц решили устроить себе раньше, чем саму свадьбу, потому как у Егора не получалось взять отпуск позже, сколько ни уговаривал он своё начальство. Да и Эле не терпелось увидеть Эгейское море. До этого-то она вообще ни на каком не была. А тут сразу Греция! Родина Сократа, Платона и Пифагора! Егор уверял, что жить они будут недалеко от Стагиры, места, где родился сам Аристотель. Эля радовалась, словно ребёнок. Она настолько измучила на пляжах и экскурсиях Егора, что тот уже не знал, как Элю уговорить. Он рассчитывал на какую-нибудь томную романтику – медовые ночи в отблесках восковых свечей, признания в вечной любви, купания нагишом в волшебном свете луны... А вместо этого получил переполненную энергией девочку, которая тянула его за руку, чтобы посмотреть вот это, вот то и вон там. Ночи были, конечно, страстными, но всё же далеки от романтики. И признаний никаких особенных не получилось – только планирование: после свадьбы вот на это станем откладывать, а потом немножко на это, и обязательно ещё раз надо будет сюда вернуться...

Впрочем, Эля никак не чувствовала всего того, что ощущал слегка расстроенный поездкой Егор. Просто как-то само собой получилось так, что на шестой день их пребывания в отеле Егор стал всё больше времени проводить в душном номере, по которому гонял горячий воздух бесполезный кондиционер. Эле пришлось одной открывать для себя новые пляжи, лакомиться экзотическими продуктами в разношёрстных кафе и забрасывать плохо говорящих по-русски гидов своими наивными вопросами.

Вот на одном из таких пляжей Эля и познакомилась с Венечкой.

Так он ей и представился:

– Венечка.

– Это имя? – удивилась девушка, пожимая вспотевшую от игры в волейбол ладонь загорелого красавца. Партия только что закончилась победой команды, к которой принадлежал новый знакомый и сама Эля, неожиданно приглашённая в игру. Теперь они сидели на песке, попивая холодную колу.

– Имя, – утвердительно кивнул мужчина. – Но я уже привык, что все удивляются. Так что не бери в голову, если почувствуешь себя неудобно.

– С чего бы? – звонко усмехнулась Эля. – Я не из стеснительных. А имя и правда странное. А как по-взрослому? Вениамин или Венедикт?

– По-взрослому Венедикт. Но попрошу меня так не обзывать. В худшем случае – Веня. Когда я начал взрослеть, то часто обижался на тех, кто продолжал меня называть, как маленького мальчишку, Венечкой. А потом будто привык, самому стало нравиться.

– Хорошо, – согласилась Эля. – Буду звать тебя Венечкой.

– Мне будет очень приятно, – поцеловал ей руку мужчина и добавил: – Венедикт звучит как красная двойка в тетради за диктант.

– Был такой опыт?

– Ох, был, – тяжело вздохнул Венечка. – Скандала, помнится, эта двойка наделала – до сих пор вспоминать страшно.

Вот таким, собственно, и вышел их первый разговор. Абсолютно дурацкий и ни о чём. Эля помнила всё слово в слово и теперь прокручивала у себя в голове, точно в этом скрывались какие-то тайные ключи, способные выволить её с этого острова. А ключ был только один – абсолютная уверенность в том, что Веня никогда не был беден, да он, пожалуй, даже не знает, как выглядит бедность, и представляет её не иначе как приключение. Золотой мальчик сквозил

и в его облике, и в манере разговаривать, и в привычках, и в отношении ко всему, что хотя бы близко могло походить на проблему – от последнего он старался держаться как можно дальше.

Как же она умудрилась так ошибиться в Вене? Стоп... Разве она ошиблась? Ну неужели не очевидно, что да?! Эта мысль поразила Элю настолько, что она прикурила вторую сигарету обратным концом, со стороны фильтра. Плюнула, бросила сигарету в воду и ещё раз прокрутила в голове это простое слово – ОШИБЛАСЬ...

Даже почему-то успокоилась немного. Другими глазами посмотрела вокруг себя. А может, это и не остров вовсе? Вене верить ни в чём нельзя, это она уже поняла. Поэтому стоило бы походить по окрестностям и посмотреть, так ли уж безнадежно её положение.

День второй. Плохая девчонка

Прошлым вечером Эля настолько устала от переживаний, что на обход местности не осталось уже сил. За весь вчерашний день она даже не поела ни разу, хотя, собственно, из продуктов ничего и не осталось, поскольку с большой земли они с Веней захватили с собой только две бутылки вина, торт и пару салатов. Салаты были съедены, вино выпито, а от торта осталось лишь два успевших зачерстветь кусочка. Эля только посмотрела на них, отрицательно покачала головой, легла и через секунду провалилась в глубокий сон.

А это новое утро было совсем не похожим на предыдущее. Ни томной неги, ни сладких потягиваний в постели, ни ожидания любви... От всего этого не осталось следа. На смену пришли тревога, ломота во всём теле, изжога и неуёмное желание закурить. Первым делом Эля смахнула с тумбочки голубую пачку «Кэмела». Там оставались только две помятые сигареты. Это не предвещало ничего хорошего, потому как, помимо простого физического выживания, придётся ещё бороться и с никотиновой зависимостью, что сделает её непременно на три-четыре дня похожей на зомби. Проходила она уже подобное и потому знала в мельчайших подробностях, что такое никотиновая ломка. Но экономить Эля не стала. Со злостью чиркнула зажигалкой, сделала глубокую затяжку, и из груди её сам собою вырвался истерический смех.

Докурив, она встала, оделась и прошла на кухню. На всякий случай ещё раз щёлкнула выключателем – свет, разумеется, не загорелся. Всухомятку запихав в себя совсем зачерствевший торт, она поискала глазами хоть какую-нибудь посудину с водой, но ничего не нашла. А пить хотелось.

«Всё, – подумала Эля, – надо брать себя в руки и готовиться к выживанию. Не известно, сколько времени предстоит мне здесь куковать. С Венечкой всё понятно – он самая настоящая сволочь. Но рано или поздно кто-нибудь да объявится на этом проклятом острове. Не может не объявиться. В конце концов, это ведь не Бермудский треугольник, и я не Робинзон Крузо. Город в каких-то трёх или четырёх километрах отсюда».

Первым делом она решила спуститься в подвал. Он оказался совсем крохотным. В маленькое окошечко падал с улицы свет, достаточный для того, чтобы ориентироваться внутри и не переломать себе ноги. И всё же жутковато ей на минуту стало. Захотелось крикнуть: «Эй! Здесь кто-нибудь есть?» Как в старых добрых фильмах ужасов, которые теперь совсем не показались смешными. Но кричать она, разумеется, не стала. Вместо этого отыскала генератор, понажимала на разные кнопки, что результатов никаких, само собой, не дало. Прошлась по периметру подвала, надеясь найти канистры с горючим. Но их не было. Значит, света не появится в любом случае. В доме оставались не догоревшие свечи – при крайней необходимости можно использовать ночью их. Погода стояла хорошая, и звёздные ночи были ещё не так темны – в комнатах с окнами можно ночью ходить смело, но в туалете всё равно нужен свет. На полках, заваленных какими-то непонятными железяками и приборами, нашла поллитровая баночка маринованных огурцов. Прямо будто подразнить оставили. Но ладно – на кухне и такое теперь сгодится. Прихватив с собой банку, Эля поднялась наверх.

Так... Что теперь? Теперь точно надо обойти остров. Реальных его размеров девушка не представляла. Веня говорил всегда, что он небольшой. Но «небольшой» – понятие растяжимое. В своё время Эля, уходя в крохотный лесок, бывший несколько лет назад дачной местностью, заброшенной и поросшей молодыми деревьями, умудрялась заблудиться даже и там. А что уж говорить о целом острове. Поскольку навигатор в телефоне недоступен, нужно выбрать чёткий ориентир. Эля решила, что сегодня будет двигаться прямо на солнце, стараясь никуда не сворачивать. И ещё... Этот придурок с дурацким именем пугал её волками – говорил, что иногда они сюда заплывают. Ну вот зачем бы им сюда заплывать, если остров небольшой? Что они тут кушать будут? Прямо так она Венечку и спросила ещё тогда, когда они ехали сюда в лодке.

– Иной раз, – то ли шутя, то ли всерьёз ответил ей Веня, – сюда грибники заплывают, ну, или порыбачить кто. Вот их и кушают.

– Да не заливай, – усмехнулась на это Эля.

– Не заливаю, – с невозмутимым видом посмотрел на неё Веня. – Нечасто, но случаи такие бывали. У друга моего дядька здесь с концами пропал. Одни кости потом нашли.

Вот и пойми поди, правду говорил этот придурок или стращал дурочку городскую.

Но идти в любом случае надо.

На веранде, где помещалось только плетёное кресло и небольшой столик, Эля обнаружила пилу. Топор продолжал торчать всё в том же пеньке. В качестве оружия он был ненадёжен, потому что короткий для обороны от сразу нескольких противников и слишком тяжёл для хрупкой девушки. Но с помощью него можно было срубить длинную палку и соорудить что-то вроде копья. Так Эля и поступила. Сзади дома, в самом начале леса, она подобрала подходящее деревце. Мало того, что получилось прекрасное копьё, так к тому же девушка сразу набрела на орешник. Орехи были ещё молочные, незрелые, но на безрыбье, как говорится, и рак рыба. Эля разгрызла пару орехов – есть можно.

Довольная, она стала возвращаться к дому и только теперь обнаружила, что совсем под носом у неё расположилась целая грядка картофеля. Эля вытащила одну ветку – картофель был достаточно крупный. На сердце сразу же полегчало – теперь, что бы там ни случилось, с голоду она не помрёт: орехи, картошка, банка маринованных огурцов... А в лесу наверняка гриб уже должен пойти. Хотя... Дождичка бы, чтобы уж наверняка. Но только не сегодня. Сегодня ей нужна хорошая погода – ведь она идёт исследовать остров.

На кухне для полной уверенности Эля прикрутила верёвкой к концу палки самый большой нож, который нашёлся в ящике стола. Чтобы испытать получившееся оружие на прочность, в спальне она раз пять ткнула изо всех сил своим копьём в подушку, на которой ещё два дня тому назад покоилась голова Вени. Оружие проверку прошло успешно. Подумав минуту, Эля стащила наволочку, порезала её на кусочки и приладила к чашке. Если набрать воды в озере, то можно будет её процедить сквозь плотную ткань наволочки – какой-никакой, но получался всё-таки фильтр. И тут же пришла в голову другая мысль...

Девушка прошла в душевую и открыла воду. В электрическом бачке на дне ещё оставалось немного. Эля принесла чайник и сумела наполнить его наполовину. Наконец-то вдоволь смогла напиться.

Маленькие открытия, следующие друг за другом, воодушевляли её. А не такая уж она и дура. И вообще молодец! Не ноет, не заламывает руки, не впадает в отчаяние. Кто бы мог подумать... С такой стороны Эля открывала саму себя впервые.

Когда все подготовительные перед походом мероприятия были завершены, девушка глубоко вздохнула, опустила на плечо копьё и вошла в лес...

Но ведь не может же так быть, чтобы удача следовала одна за другой, как в сказке. Было бы слишком неправдоподобно. И конечно же, уже метров через пятьдесят начавшегося путешествия её ждало первое разочарование. И имя ему было – комары. В доме и во дворе их

почему-то почти не замечалось, но стоило углубиться в густые заросли орешника и осины, комары словно взбесились. Изредка попадались небольшие опушки, но там на смену комарам прилетали слепни и принимались кусать так больно, что в конце концов Эля начала по-детски визжать. Дальше идти она уже не смогла. Развернулась и почти бегом бросилась по утоптанной тропке назад к дому. Копьё при этом цеплялось то древком за траву, то наконецником за нависающие ветки деревьев. Эля запинаясь и падала, и хотела уже совсем бросить копьё и передвигаться налегке, но последним усилием воли всё-таки сумела себя сдержать.

Весь её неудавшийся поход занял девяносто минут. Это она поняла по настенным часам в каминной, которые работали от батарейки.

Всё тело зудело от укусов. Руки были настолько поранены безжалостными слепнями, что на них запеклись тонкие струйки крови. Это было ужасно.

Девушка достала из пачки последнюю сигарету, щёлкнула зажигалкой и... из зажигалки вылетел кремёнок. Огня она добыть так и не успела.

Эля уронила на горячие руки лицо и заплакала.

«Ну и поделом тебе, – думала она. – А то раскудахталась с утра, какая я вся великолепная, не впадаю в отчаяние, не жалею на судьбу... Больно уж просто ты представляла это себе. Прямо сейчас тебе в руки и начнут падать из ниоткуда бонусы, как в компьютерной игре: картошечка, орешки, копышко... Осталось ещё только орка в лесу встретить и завладеть его пистолетом».

Потихоньку боль от укусов проходила. Эля перестала плакать, вытерла полотенцем слёзы, допила воду из чайника и решила снова взвесить всё за и против. Только теперь необходимо учесть новый опыт своей плохо продуманной вылазки. Но в этот раз мысли её не были столь стремительны, как утром. Они кружились вокруг да около, удаляясь по спирали всё дальше и дальше от поставленной задачи. И постепенно погрузились в чертоги памяти, воскрешая те события, о которых Эля начала думать ещё вчера...

Как так получилось, что уже через три дня после первого знакомства в Салониках с Веней Эля умудрилась порвать отношения с Егором? Для неё самой это выглядело логично, потому что ради убеждения самой себя в правоте она приложила немаленькие усилия. Ну а что? Егор сделался совсем скучным, стал большую часть времени то молчать, то отвечать как бы с обидой и подспудным упрёком. Так казалось Эле. Были ли в словах и в молчании Егора упрёки и в самом деле – сказать трудно. К тому же, хоть они и планировали свадьбу, но ведь на тот момент Эля оставалась свободной девушкой! Её же не зафрахтовали, она не стала объектом сделки неведомых сил, чьё решение не подлежит отмене. Она имела право принять решение самостоятельно, исходя из своей собственной реальности. Да, влюбилась по уши и без оглядки в бесцеремонного ловеласа Веню. И тот, словно этого и желавший, взял ситуацию под контроль и начал манипулировать потерявшей голову девушкой как хотел. То приближал её к себе, то отталкивал. Эля уже не стеснялась плакать по ночам в номере, будя и без того плохо высыпавшегося Егора. Тот, казалось, всё уже прекрасно понимал. Он не единожды встречал и на пляже, и в кафе, и просто на улице свою несостоявшуюся невесту в объятиях незнакомца. Но как-то проявить инициативу и попробовать вернуть себе Элю он не пытался, хотя кто знает, что творилось в то время в его душе. Он молча слушал, как плачет на соседней кровати Эля, и, закинув за голову руки, думал о чём-то своём. О чём? Знать бы сейчас. Егор ни разу не высказал никаких претензий по поводу Элиного предательства. В тот вечер, перед тем как просто исчезнуть навсегда из отеля, он, помнится, пригласил её на ужин в одно очень тихое и уютное местечко, где Эля до этого не была ни разу. Мужчины с гитарами там пели грустные песни на непонятном языке, в пиалах на столике мерцали ароматические свечи, лёгкое вино и тёплый морской бриз кружили голову и навевали томные чувства. О чём они говорили с Егором в тот почти позабытый вечер? Эля не помнила ни слова. Мыслями она была далеко от Егора, думала о Венечке, который в ту минуту тоже, может быть, вспоминал о ней в каком-нибудь похожем

кафе. А Егор всё говорил и говорил, и в глазах у него блуждали жёлтые огоньки грусти. Потом он встал, сказал, что сейчас вернётся – и с того момента Эля по сей день больше не встречала его. Он даже записки в номере ей не оставил. Только после, по возвращению домой, она узнала через общих знакомых, что с ним всё в порядке. Боже! Сколько же, наверное, боли она ему причинила. И если бы та боль могла хотя бы вырваться в форме скандала, драки, угроз или истерики, то, может, стало бы Егору и легче. Но он всё похоронил глубоко у себя в сердце, не издав ни звука, ни слова негодования, не проронив ни слезинки. А ему было больно. Было. И это только теперь Эля осознала со всей полнотой – и почти возненавидела за это себя. Ведь теперь и сама она оказалась почти на его месте, только в условиях ещё более худших и по причинам, по поводу которых не имелось ни единой догадки. И дурацкое письмо здесь не в счёт – оно лишь дополнительный предмет, который должен по замыслу режиссёра Вени только раздражать её и вводить всё в большее заблуждение.

День третий. Дикая яблоня

Она не сразу поняла, что уже не спит. Лежала с открытыми глазами, наверное, целый час, а то и больше. Вторую ночь окна были закрыты и плотно занавешены, но утро всё равно пробивалось сквозь толстые шторы лучами золотистого света. А спала ли она вообще? Трудно было понять. Усталости Эля не чувствовала. Возвращаясь постепенно мыслями к реальности, она чувствовала лишь жажду действий. И ещё обычную жажду. Хотелось пить, и весьма ощутимо давала знать о себе двухдневная голодовка. Руки и ноги распухли от вчерашних укусов.

Итак... План действий: во-первых, выкопать и пожарить картошки, во-вторых, найти какую-нибудь плотную одежду и всё-таки разведать окрестности. Этой ночью ей то ли приснилось, то ли на самом деле она слышала вдалеке собачий лай. Возможно, где-то в зоне досягаемости есть ещё какие-то обитатели, либо, помимо этого, существует и ещё один остров.

В маленькой прихожей Эля отыскала старые камуфляжные штаны и такую же куртку. Примеряла. Понятное дело, одежда висела на ней мешком – такой дачный оверсайз. Жарко, неудобно, но защита от комаров и слепней сносная. Подогнув штанины и подпоясавшись обрывком верёвки, девушка взяла лопату и отправилась на добычу картошки. Набрала целое пластмассовое ведёрко.

Теперь следовало решить другую проблему – нужно разжечь костёр. В зажигалке оставался газ, но не было кремня. Прямо возле веранды стоял ржавый мангал – в нём Эля и решила разводить огонь. Натаскала мелких дров, настругала опилок и собиралась было уже приняться елозить одной палочкой об другую, как делали далёкие предки, когда в голове вспыхнула неожиданно совсем другая идея. Видела она этот фокус в каком-то из роликов.

Эля вынула из часов в каминной батареечку, аккуратно оторвала от сигаретной пачки полоску фольгированной бумаги, один конец которой прижала к плюсу, а другой к минусу. Заряда батареечки хватило на то, чтобы произошло замыкание и бумажка задалась огоньком. Для надёжности Эля выпустила из зажигалки порцию газа – этого вполне хватило для того, чтобы береста занялась, а вслед за ней затрещали и сухие еловые веточки, пуская в воздух чёрные завитки дыма.

– Йес! – почти крикнула Эля, победно воздевая вверх руки.

Через полчаса картошка была готова. Соли в доме не нашлось. Но маринованные огурчики пришлось теперь кстати. И наконец она смогла покурить. От первой же затяжки голова закружилась и потяжелела. Нет. Такого Эле не надо. Она потушила сигарету и убрала обратно в пачку. Дел предстояло ещё много – мозги нужны свежие, а реакция молниеносной.

Вооружившись копьём и кипячёной водой в бутылке, девушка отправилась в лес по уже протоптанной вчера тропке. Комары снова облепили её, но уже не были столь агрессивны. То ли одежда спасала, то ли Эля привыкла, то ли комарам она пришлась этим утром не по вкусу.

Теперь девушка сосредоточенно выискивала глазами что-нибудь для себя полезное. Первым из интересного оказался здоровенный подосиновик. Эля разломала его – к сожалению, червивый. Но в метре от него показалась тёмно-рыжая головка гриба чуть поменьше. Тот оказался крепким и чистым. Эля срезала тонкую веточку и насадила на неё гриб. Углубляясь всё дальше и дальше, она набрала таким образом штук пятнадцать подосиновиков, подберёзовиков и одного белого. На сегодня, пожалуй, достаточно. Главное, что гриб есть, и в любое время теперь можно набрать себе на обед.

Лес начал редеть минут через сорок ходьбы, и совсем скоро показалась вода. Берег в этом месте был довольно крутым, так что к озеру Эля не рискнула спуститься. Зато на горизонте она и правда рассмотрела такой же остров. Значит, собачий лай ей не приснился – просто ветер дул с той стороны. До острова расстояние точно определить было никак нельзя – возможно, чуть больше километра, а то и все два. В любом случае, добраться до него вплавь для не умеющей плавать девушки не представлялось возможным. Она могла бы проплыть от силы метров сто-сто пятьдесят, никак не больше. Воду она боялась с детства, хотя отец, когда был жив, долго пытался научить её плавать. Каждый раз такие уроки заканчивались слезливой истерикой, так что отец махнул на Элю рукой, боясь лишний раз заводить споры с супругой.

Возвращаться назад той же дорогой Эле не захотелось. Она посчитала, что её остров всё-таки невелик, и можно теперь идти вдоль линии воды, чтобы оказаться у пирса. Так она и сделала.

Мысленно рисуя в голове карту, Эля начала понимать, что остров, скорее всего, имеет форму сердца, по крайней мере, эта правая его сторона ровной дугой загибалась к пирсу, который начинался прямой линией из небольшой подковообразной бухточки. И тогда, если она права, сердце превращалось, благодаря этой линии пирса, в карточный знак «пики». А это уже как бы и не совсем сердце.

За такими мыслями Эля наткнулась на яблоню. Дикую, но усыпанную, как новогодняя ёлка, красно-золотыми, сочными на вид плодами. Девушка сорвала одно яблоко и откусила. Челюсти свело от кислого вкуса. Эля выплюнула то, что уже успела разжевать, и бросила яблоко в траву. Вид оказался обманчив. Впрочем, как и всё то, что случилось в её жизни в последний месяц. Память снова стала рисовать перед ней недавнее прошлое...

Когда в одиночестве она вернулась из Салоников, толком ни о чём не успев договориться с Веней, то впала в самую настоящую депрессию. Долгими вечерами она только и делала, что валялась в постели с телефоном в руках и ждала, когда ей хоть кто-нибудь позвонит. Под «кем-нибудь» она подразумевала Веню и Егора. Телефон Венечки ей был неизвестен, хотя свой она ему оставляла, а сделать звонок Егору Эля не решалась первой, потому что ей нечего было ему сказать. В то время она так и не почувствовала себя виноватой, по крайней мере осознанно. Где-то глубоко в непостижимых закоулках души, может быть, и царапалось неприятное ощущение от совершённого ей предательства, но в этих безднах и не такое ещё ютилось, а копать в себе Эля ненавидела. Жизнь, полагала она, расставляет всё так, как оно и должно быть, что бы там человек себе ни надумывал. Она любила. Любила, как ей казалось, по-настоящему. А любовь оправдывает всё, потому что она есть свет, и нет в ней никакой тьмы. То ли слышала она где-то такое, то ли сама придумала, сказав изначальную фразу, где говорилось несколько о другом. Не важно. Она женщина. Она имеет право выбирать. Но вот если бы, например, Егор ей сейчас позвонил и предложил тему для разговора, то не известно, как бы она себя повела – возможно, даже и дала бы ему второй шанс.

Но первым позвонил Веня. На четвёртый день после вечерних Элиных бдений у телефонной трубки.

– Привет, – как ни в чём ни бывало сказал он.

– Привет, – сдерживая слёзы и дрожь в голосе ответила ему Эля.

– Слушай, – продолжил Веня, – я тут совсем забегался. Ты уж прости. Дела. Но я заглажу свою вину.

– Ну не знаю-не знаю, – стараясь показаться ироничной, сказала Эля. – И каким образом?

– Я за тобой заеду. Ты сейчас свободна? Мои родители дают самый настоящий бал. И я хочу придти туда только с тобой.

– А в честь чего такой праздник?

– А вот сама и увидишь. Это сюрприз. Думаю, это загладит мою вину, причём ещё и с запасом. Честное слово.

– Трудно удержаться от такого предложения. Хорошо. Дай час, чтобы принарядиться. Всё-таки бал. И подъезжай.

Эля сказала Венечке свой адрес, бросила на тумбочку трубку и запрыгала на кровати, словно ребёнок. Все её пасмурные мысли и все сомнения в один миг улетучились, будто их не бывало.

Вечер получился и впрямь сказочный. Во-первых, родительский дом Вени выглядел для неискушённой Эли самым настоящим дворцом, а во-вторых, бал был дан в честь того, что Венечка в самый разгар праздника сделал Эле предложение. Конечно, она и раньше догадывалась о том, что Веня не беден. Но такого Эля никак не ожидала. Не верила она и в то, что происходило с ней в этот вечер. Голова кружилась, хотя она совсем не пила, глаза слепили яркие наряды гостей, иллюминация зала, серебряная посуда на белых перчатках официантов. Элю просто нёс в прекрасное неведомое неуправляемый поток. Да ей и не хотелось им управлять. Она не задавала себе вопроса, почему это происходит именно с ней, чем она вообще заслужила такое счастье. Да, она была не дурна собой, не глупа, умела правильно вести себя в весёлой компании и всегда была заряжена на действие, поражая окружающих своей неуёмной энергией... Но достаточно ли такого набора для того, чтобы на неё обратил внимание человек из подобного круга, к которому принадлежал Веня? Как эти люди вообще выбирают себе подруг? Как раньше, из социальных или финансовых соображений? Или что-то изменилось, а Эля была не в курсе? Обо всём этом она себя не спрашивала ни в тот вечер, ни во все другие, следовавшие за ним. Жизнь закружила её в волшебном танце, и музыка закончилась лишь тогда, когда они с Веней отыграли свадьбу и отправились на «Таинственный остров», как это назвал Венечка, чтобы в полном одиночестве, устав наконец от толп, провести там пару незабываемых ночей, а потом отправиться в Дубай, за покупками и за экзотикой арабской пустыни. А вопросы задавать всё-таки было нужно. Прямо тогда же. Даже раньше, в Салониках, после волейбольного матча...

За воспоминаниями Эля не заметила, как добралась до пирса. Что ж... Вот и хорошо. Лучше спросить у себя поздно, чем никогда. Теперь-то ей очевидно, что все эти балы, свадьбы и бесконечные походы в магазины были лишь для того, чтобы она оказалась в конечном итоге здесь. И какой во всём этом смысл? Да какая разница. Может, Веня просто богатенький мальчик с маниакальными наклонностями. Ну вот нравится ему обрекать красивых женщин на голодную смерть. Главное теперь в другом. Главное – решить, что теперь делать, чтобы с этого острова убраться. Надолго она здесь точно не застрянет – что-нибудь обязательно придумает. А потом? Мстить Вене? Нет. Даже думать об этом противно. Забыть. Вычеркнуть из памяти навсегда. И просить прощения у Егора. Не в надежде, что он вернётся. Она всё же и в самом деле не любила его. Но он заслуживает того, чтобы Эля перед ним объяснилась и попросила себя простить.

И ей нестерпимо захотелось тех кислых яблок, которые она нашла в лесу.

День четвёртый. Хорошая мысль приходит опосля

Неисследованным до сих пор оставался только чердак и вторая половина острова.

Прямо с утра, разведя опробованным способом в мангале огонь, Эля поставила вариться грибной суп на огуречном рассоле и забралась на чердак. Он хоть и оказался вместительным, но набить его барахлом не успели – кроме удочки, верёвочного садка и бочки с жёлтым пигментом, девушка ничего полезного там не обнаружила. Но удочка пришлась кстати. На четвёртый день голод давал о себе знать уже не на шутку.

Позавтракав отвратительным на вкус супом и докурив последнюю сигарету, Эля выкопала на картофельной грядке несколько червей и отправилась на рыбалку. В этот раз она пошла влево от пирса прямо вдоль берега, пробуя в удобных местах ловить рыбу. Таких мест нашлось не так много – либо к воде подойти было нельзя из-за тины или зарослей камыша, либо попало мелководье, так что не хватало длины удилища, чтобы закинуть наживку на достаточную глубину. К тому же бамбуковое удилище уже через час Эля с трудом удерживала в руках. Только в одном месте всё же удалось поймать трёх окуньков, последнего из которых доставать пришлось уже с веток дерева, поскольку после неуклюжей подсечки он улетел вместе с поплавком высоко и далеко за спину. Леску распутать так и не удалось. Пришлось отмотать нож с бесполезного копия и безжалостно её обрезать, сохранив только крючок, грузило и поплавок. Но с оставшейся длиной лески о рыбалке можно было сегодня забыть. Сил связывать узлы и налаживать по-новой снасть у девушки не осталось. Зато в результате всей этой возни, когда в воду с дерева стали падать обломки веток, у Эли зародилась новая идея – идея плота. А что? Пила есть, топор есть, всяких обрезков ткани и верёвок можно найти, а гвозди повывёргивать из каких-нибудь досок. Может, до большой земли плот и не доберётся, но до соседнего острова вполне себе доплыть можно. А там ночью опять лаяла собака. Да если даже там и нет людей, то за тем островом может оказаться ещё один – и так, шаг за шагом, она могла бы и вырваться из этого водного плена.

На четвёртый день вспыхнувший было интерес к проверке себя на прочность начал несколько угасать – даже навскидку Эля понимала, что вполне могла бы продержаться здесь на подножном корме как минимум две недели. Даже вон никотиновая ломка оказалась не так страшна, какой она её себе рисовала. Это там, в городе, на фоне всех жизненных удобств, она казалась чем-то впечатляющим, а тут, посреди ежеминутных забот о воде, еде и о безопасности, она блекла, поскольку в приоритете стали совсем другие ценности и удовольствия. Теперь Эле хотелось просто вернуться домой и забыть обо всём, что она пережила за последнее время. И особенно жирно замалевать в памяти образ Венечки. И на что она соблазнилась? Да, красавчик, золотой мальчик, всегда полный идей относительно того, как весело провести время. И только... А если убрать всю эту мишуру, то что останется? Тщеславие, эгоизм, отсутствие каких-либо сопереживаний с теми, кто рядом, ежеминутное желание выглядеть круче всех, изобретательнее всех, оригинальнее всех... Рядом с такими людьми каждому что-то да откалывается от удовольствий, и всем кажется, будто и они на этом пиру имеют какое-то значение, какую-то особую цену. Но ведь это не так. Это всего лишь иллюзия, в которую веришь до тех пор, пока продолжается праздник. Но как только праздник кончается, то каждый остаётся со своим разбитым корытом, до которого нет никому дела. И от всех этих мыслей, внезапно одолевших посреди размышлений о плоте, Эле первый раз сделалось по-настоящему стыдно. Это был уже не анализ, не признание ошибки, не осознание причинённого Егору вреда, а самый обыкновенный человеческий стыд, от которого она покраснела. Эля почувствовала, как румянец покрывает её лицо. Она даже огляделась инстинктивно по сторонам – не заметил ли кто этого приступа стыда и этого искреннего её сожаления. Ну, разве что чайки, которые всё время перемещались вдоль линии берега следом за ней, то ли из любопытства, то ли из надежды, что Эля и их накормит.

Дойдя до знакомой яблони, Эля поняла, что круг замкнулся и можно по тропе возвращаться напрямик к дому. Исследование острова можно было считать законченным, и выводы были, как она и предполагала, такими: остров имел форму сердца с хвостиком в виде пирса,

и никаких волков и других хищных животных здесь не водилось, кроме чаек, ежей и змей. О копыте теперь можно было забыть.

Помня своё вчерашнее желание съесть яблочко, Эля сорвала одно и снова попробовала на вкус. В этот раз он не показался таким уж кислым. С аппетитом доев, она рассовала по вместительным карманам ещё несколько фруктов и только тогда свернула в лес, предполагая на обратном пути поднабрать ещё немного грибов. Ужин сегодня намечался, судя по всему, знатный. Но до этого предстояло ещё начать строительство спасительного плота. Эта идея укоренялась в её голове с каждой минутой всё глубже.

Эля сложила сегодняшнюю добычу на кухне и принялась за работу. Прежде всего нашла пару сухих стволов диаметром сантиметров двадцать. Ей показалось, что таких брёвен в количестве десяти штук вполне хватит. Пилить пришлось долго и с длинными перекурами. Кипячёная вода кончилась, а жажда становилась только сильнее. Пришлось пить некипячёную воду из озера, вооружившись припасёнными лоскутами от наволочки. Поиск гвоздей занял ещё часа полтора – отодраны были все наличники, дверные накладки и перила на крыльце. Сначала Эля обвязала подогнанные друг к другу брёвна, сложенные посередине пирса, верёвками и обрывками ткани, затем сверху и снизу почти вплотную наколотила на плот доски. На первый взгляд конструкция выглядела прочной. Оставалось только столкнуть её с пирса на воду и опробовать. Но солнце уже клонилось к западу, и разумно было бы отложить эксперимент на завтра. К тому же надлежало ещё соорудить что-нибудь похожее на весло, а лучше дожидаться для полной уверенности попутного ветра. Хотя... Если завтра будет дуть даже встречный, она всё равно не сможет усидеть на месте – это Эля понимала прекрасно.

Она облегчённо вздохнула, вытерла со лба пот и улыбнулась. Ещё одна маленькая победа оказалась за ней.

На готовку ужина совсем не осталось сил. Да и есть от чрезмерной усталости не хотелось. Но с рыбой что-то нужно было делать, она уже начинала тухнуть на кухне – тянуло лёгким душком, но от него Элю не воротило, а напротив, разжигало аппетит. Жалко было бы выбрасывать окуньков – всё-таки Эля забрала чью-то жизнь ради своей, это она осознавала сейчас отчего-то особенно ясно. А ведь раньше, покупая в магазинах животные продукты, а потом выбрасывая не съеденное на помойку, она ни секунды не думала о таком. В городе всё происходило как бы по инерции, по заранее расписанному кем-то сценарию, где всем надлежало лишь следовать не ими установленным правилам. А здесь, на острове, правила устанавливала она сама, и от правильности её решений зависела её жизнь.

Эля почистила рыбу, положила её в тарелку, залила маринадом и придавила сверху ещё одной тарелкой, наполнив её водой. Она помнила, что так делал когда-то её отец, любивший рыбачить и всегда возвращавшийся домой с солидным уловом. Она не знала, зачем отец поступает так с рыбой, но решила сделать по его схеме. Руки, на которых лопнули мозоли, быстро образовавшиеся от непривычной работы, нещадно щипало, но в этот раз Эля не издала ни звука, – не как в тот день, когда набросились на неё несметные полчища комаров. Она лишь морщилась и плотно сжимала зубы, продолжая немудрёную работу.

Закончив с последними делами, Эля еле-еле доползла до постели и упала, раскинув в стороны руки. Даже не скатилась из миски в душе. «День первый, – стала считать она про себя, – день второй, день третий, день четвёртый»...

День пятый. Гори-гори ясно

Это утро было самым непохожим на все другие, которые случались в жизни Эли. Никогда не просыпалась она с такой неодолимой жаждой действий. Энтузиазм просто зашкаливал, кровь в жилах кипела, мысли обострились настолько, что голова казалась огромной, размером с Биг-Бен. Она уже не нащупывала ленивыми ногами свои тапки. Ловко спрыгнула с кровати

и босиком проследовала в ванную, где была приготовлена маленькая кастрюлька с холодной водой. Вода слегка охладила её пыл, всё тело покрылось мурашками, и как никогда захотелось жить и открывать для себя незнакомые до сих пор грани жизни.

Уха, в отличие от вчерашнего грибного супа, получилась знатной. Плотно позавтракав, Эля набрала в бутылку воды, одела своё привычное платье, взяла лопату, решив именно её использовать вместо весла, и отправилась на пирс, где её ждал готовый к отплытию плот. Нечего больше ждать и откладывать, ожидая попутного ветра.

С севера стали надвигаться тучи. Они плыли медленно, и если и будет сегодня дождь, то нескоро – Эля должна успеть добраться до большой земли. Ну, сколько до неё километров? Допустим, три. Если плыть со скоростью даже полтора километра в час (а она была уверена, что непременно будет плыть быстрее), то всё равно потребуется всего лишь два часа. Два часа, Карл! А ведь совсем недавно казалось, что от спасения её отделяют чуть ли не галактики в тысячу световых лет.

Теперь Эля не знала сколько времени, из-за того, что батарейка от часов использовалась для других целей. Ориентировалась по солнцу. Навскидку можно было предположить, что сейчас около десяти утра.

Спустив плот на воду и на всякий случай привязав его к небольшому деревянному быку, Эля осторожно стала перебираться на шаткую поверхность. Конструкция получилась неустойчивой, но так, наверное, и должно быть, подумала Эля, всё-таки плот не лодка. Кроссовки сразу намокли. Приноровившись к качке, девушка присела на корточки, отвязала верёвку и оттолкнулась лопатой от причала. Плот медленно подался в выбранном направлении. Сердце в груди замерло. Эля попробовала грести, сначала с одного края, потом с другого. Всё больше намокающий и тяжелевший плот с трудом набирал ход. Да, пожалуй, больше километра в час она и не разгонится. Ну и ладно. Хоть бы и полкилометра. К вечеру всё равно будет на месте.

Проблемы начались метрах в ста от причала. Волны, казавшиеся с берега совсем небольшими, оказались весьма существенной силы, которая быстро расшатала схваченные гвоздями и тряпьем брёвна. Плот начал ходить ходуном под Элей, грозя развалиться под тяжестью её тела. По инерции Эля продолжала грести, но с каждой минутой паника её возрастала, превратившись в конце концов в совершенно неуправляемое чувство.

Чайки, кружившие до этого в отдалении, стали подлетать всё ближе и ближе, заинтересованные происходящим. Напуганная не на шутку, Эля попыталась сменить движение и вернуться обратно. Однако ветер, резко усилившийся и дующий теперь от причала, тормозил плот, и казалось, что тот замер на месте. Девушка, всё ещё продолжавшая сидеть на корточках, поняла, что вода становится всё выше и выше. Плот как бы тонул, чего никак не уместилось в её голове. Будто какая-то рука с глубины пыталась затянуть его на самое дно. Эля взмолилась в душе и стала орудовать лопатой так, будто всю жизнь плавала на байдарке. Но всё равно это было слишком медленно. Да ещё чайки эти словно сошли с ума – кружили над самой головой, того и гляди клюнут в макушку. И вдруг среди этой небольшой стаи Эля заметила что-то инородное, не совсем похожее на чайку. Это инородное и звуки издавало какие-то странные, словно это был вентилятор. Эля всмотрелась – и глаза её полезли на лоб. Боже! Да это же квадрокоптер! Как и чайки, он был белого цвета, только носик был выкрашен в тёмно-жёлтый, чтобы издавек его невозможно было отличить от птиц. Но откуда он здесь? Им же должен кто-то управлять? И если так, то этот кто-то сейчас видит её на своём мониторе. Так ведь... Ну да, конечно. Эля на секунду даже забыла об опасности, которая ей грозила. Это же идиот Венечка! Как же раньше она не подумала о том, что он может за ней следить?! Может контролировать ситуацию и прямо сейчас смеяться над ней, видя, до какой степени она напугана. Да ещё если в компании со своими друзьями! Эле настолько сделалось обидно, что она бросила лопату в сторону квадрокоптера, и получилось у неё настолько метко, что аппарат, как пулей подкошенный, упал в воду, покружился на месте и замер. Правда, и лопаты Эля теперь лиши-

лась. До пирса оставалось метров восемьдесят, и, хотя плавала она немногим лучше топора, но всё же решилась прыгнуть в воду и стала грести руками по-собачьи. Главное, чтобы злость не ушла раньше времени и на её место снова не вернулась паника. Неожиданно вдалеке громыхнуло, придавая ситуации почти апокалиптический смысл. Дождь, судя по всему, собирался пойти раньше, чем предполагала Эля. Тем более хорошо, что она решила вернуться. За стеной ливня невозможно было бы ориентироваться на озере, не говоря уже о том, чтобы держать себя в руках.

До берега Эля добралась на удивление быстро. Могла бы проплыть и ещё столько же.

Она бросилась в дом, сняла мокрые кроссовки и платье, наспех вытерлась полотенцем и принялась бегать по комнатам в поисках других видеокамер, которые наверняка Веня установил и в доме.

Так оно и оказалось. Две камеры Эля смогла обнаружить в спальне, две на кухне, одну в каминной, ещё одну на веранде и, скрытую в ветвях молодого дуба, во дворе. Последняя была направлена на дом и вертелась слева направо, реагируя на движение. Эля хотела было метнуть в эту камеру палку, но, подумав секунду, отложила своё решение, показала в объектив средний палец и, охваченная новой идеей, вернулась на кухню.

Мысль, внезапно посетившая её, была скорее жестом отчаяния и жадной попыткой показать наблюдающему за ней Венечке весь спектр её к нему презрения. Что бы ни крылось за этим маниакальным поступком её «картонного» мужа, она больше не станет плясать под его дудку. Последнее решение примет она, и оно Венечке ой как не понравится. Это уж точно.

Эля натаскала с улицы сухих веток и набросала кучками в каждой из комнат. Потом стащила на пол всё, что состояло из ткани или хорошо горящего материала. Она улыбалась, вслушиваясь, не появится ли вдалеке шум моторной лодки. Если в этот момент Веня за ней наблюдает, то, может, захочет остановить её, чтобы сохранить дом. Какой-никакой, но всё-таки его собственный. А все эти богатенькие мальчишки, хоть и кажутся со стороны не считающими ни своих, ни тем более папиных денег, ничего своего просто так никому не отдадут. Должен отреагировать. А если нет? Если цель его и состояла в том, чтобы уморить здесь Элю с концами? Без крыши над головой ей придётся в сто раз сложнее. Да ничего. Она уже имела, пусть и не положительный, опыт с плотом. Теперь знает, что сколачивать брёвна следует прочнее. Обязательно повторит, и в этот раз точно осуществит свой план до конца. А сейчас нужно устроить прощальную сцену. Да и пламя такой величины наверняка увидят с большой земли. Может быть, среагируют какие-нибудь службы? Ведь должны же быть таковые? Природоохранные, пожарные, да хоть егерь какой-нибудь самый захудалый...

Эля замкнула батарейку, и первая кучка веток занялась огнём. То же самое она сделала и в других комнатах. Прихватив с собой почти высохшее платье, кроссовки и «антикомариный» костюм, девушка вышла на улицу и уселась на пирсе, ожидая, когда запылает весь дом.

Ждать пришлось минут двадцать. Языки пламени показались из распахнутых настежь окон. Ветер доносил до Эли жар от разгоравшихся досок. Тучи заволокли уже всё небо, и без солнца невозможно было понять, который теперь час. Да какая разница? Это час её победы. Час её победы над обстоятельствами и над самой собой. Всего четыре дня – а как много перемен случилось в её душе! При обычном течении жизни она себя, такую, никогда не смогла бы узнать. Хотя бы за это она должна Венечку благодарить. Чисто философски, абстрагируясь от эмоций. И не Венечку, а Венедикта. Кол тебе, Венедикт! Даже не двойка. Не разглядел ты в Эле её настоящую сущность, сущность дикой яблони, вкус которой не каждый в состоянии оценить. Разве что Егор... Он бы сейчас радовался за Элю. Он бы восхищался её безрассудством и её решимостью. А она увидеть его по-настоящему не смогла. Жаль. Но, может быть, всё ещё можно исправить? Главное, что бы ни произошло дальше, не утрачивать контроль ни над новой собой, ни над ситуацией, которой управляет отныне только она. Контроль. Это же не сложно. Правда ведь? Правда?

Эпилог

Шесть лет прошло с того незабываемого дня, когда Эля устроила пионерский костёр на том злосчастном острове.

На огонь, как она и предполагала, среагировали и пожарные, и команда Венедикта в составе трёх человек. Венедикту Эля не сказала ни слова, только саркастически улыбнулась, встретившись с ним взглядом. Он посмотрел на неё волком, но в то же время Эля заметила некую растерянность в его глазах, чему была несказанно рада. Задела она его всё-таки за живое.

Пожарные укутали девушку в одеяло, посадили на катер и увезли на берег, где она дала все необходимые показания, касающиеся возгорания. Никакого дела по этому поводу заводить не стали, да Эля и не обращалась в полицию.

Много позже она узнала о Венедикте то, что стало разгадкой его поступка. Ей пришло на электронную почту письмо от некой Майи М., в котором она просила Элю поделиться подробностями произошедшего с Венедиктом, и сама в свою очередь обещала рассказать при встрече много чего интересного. Эля согласилась, хотя предполагала, что это может оказаться очередной уловкой несостоявшегося супруга. Но в этот раз она ошиблась.

Майя оказалась в своё время такой же жертвой аферы Венедикта. Он так же заключил с нею фиктивный брак в ЗАГСе, где были подкуплены нужные люди, и отвёз на тот же остров, который, к слову сказать, имел форму вовсе не сердца, а самой что ни на есть тыквы. Свидетельства, само собой, оказались фальшивыми. В оставленном после страстной ночи письме Венедикт сообщил Майе, что случилась беда с его отцом, и ему срочно пришлось уехать, а когда вернётся – не знает. Были и другие девушки, и все с довольно экзотическими именами: Лия, Мия, Альбина, Хлоя, Пальма... Каждой из них он писал о разном. Например, Хлою он просто бросил, потому что внезапно понял, что не любит её, и предложил ей самостоятельно выбираться с острова. Альбину убедил в том, что отправился порыбачить, и та потом три дня бегала, не зная, что делать, вдоль берега, зовя не известно кого на помощь. И все эти спектакли разыгрывались всего лишь для роликов, над которыми Венедикт ухаживал с друзьями, рано или поздно надеясь выпустить самый настоящий фильм. Первой неудачей режиссёра-маньяка стала как раз Майя. Она оказалась КМС по плаванию, о чём Венедикт вовремя не узнал. Добравшись без труда до большой земли, она разыскала этого придурка и надавала ему по морде. Это, кстати, тоже было заснято. А потом, поняв что к чему, Майя стала разыскивать и других «подопытных» Венедикта, собирая помаленьку свидетельства и надеясь рано или поздно обратиться в прокуратуру.

Венедикт вовремя почувствовал неладное, и Эля должна была стать его последней «женой», так сказать, его лебединой песней. Так оно и случилось.

Не став дожидаться дальнейшего развития событий, Венедикт собрал все свои пожитки и уехал в Европу. Дело против него поначалу вроде даже и завели, но хода ему так и не дали. Видимо, какая-никакая, а крыша у золотого мальчика всё же имелась. Майя, конечно, сильно расстроилась такому исходу. Но Эле было не так обидно, поскольку она получила неплохой урок на всю оставшуюся жизнь. Ну, и не столько в уроке было тут дело, сколько в том, что она снова сошлась с Егором. Встретились они случайно в торговом центре, когда с событий в Салониках прошёл уже целый год. Разговорились. Егор сразу подметил, что Эля очень изменилась с тех пор, как он видел её последний раз. Егор тоже несколько изменился – стал ещё сдержаннее, возмужал обликом, лёгкая седина покрыла его виски, хотя ему едва было за тридцать. Они встретились раз, потом другой, потом третий... И больше не смогли отпустить друг друга. И Эля это очень ценила. Тёплое чувство к Егору горело в её сердце, не похожее на то, что раньше она считала любовью. Может быть, совсем не то принимала она в прошлом за любовь? Скорее всего так оно и было. И главное, она чувствовала себя счастливой. Уж это-то

она понимала на все сто. И как же не быть счастливой, если тебя окружают любящий муж и две маленькие дочки, такие же непоседливые, как их мама, и такие же терпеливые и добрые, как их невозмутимый отец.

5 февраля 2023 г.

Лифт

Маша не могла понять, каким образом за неполных два месяца жизнь её перевернулась с ног на голову. Вернее, понять-то она могла, но поверить в возможность такого, скажи ей кто-то об этом раньше, было весьма трудно.

Ей исполнилось двадцать четыре. И все эти двадцать четыре года имели достаточно чёткую логику развития – школа с золотой медалью, институт с красным дипломом, три месяца паники перед тем, как всё же найти более-менее приличную работу, где можно было набраться реального опыта, оказавшегося весьма отличным от той теории, которую ей преподавали в вузе. Потом знакомство с Павлом...

Павел-то и перетянул её сюда, в солидную строительную компанию, где Маша смогла проявить все самые лучшие свои достоинства как юрист. Теперь у неё имелся свой кабинет, постоянный прямой контакт с шефом, Сергеем Андреевичем, удобный график и солидная, по сравнению с предыдущей работой, зарплата. Павла такой расклад немножко смущал. Он, разумеется, никак внешне этого не проявлял, но Маша видела, что с некоторых пор он стал чувствовать себя как бы не в своей тарелке. И это было понятно. Во-первых, он был перво-классным специалистом по программному обеспечению лифтов и офисной электронной коммуникации в целом. Таких спецов по всей стране имелось человек десять, и все они прекрасно знали друг друга. Во-вторых, у него не было отдельного кабинета – вместе с другими программистами Павел ютился в угловом офисе десять на десять, на двенадцатом этаже с видом на унылую, закатанную в асфальт парковку. И в-третьих, и это самое главное, уже четвёртый его проект отклоняли из-за чрезмерной инновативности, технологической сложности и вероятных финансовых рисков. Для Павла-то никаких сложностей в его изобретениях не было – всё просто, элементарно, максимально эффективно и... В общем, если нужно было выбирать между перспективным (но новым) и старым (но понятным и давно зарекомендовавшим себя на рынке), то выбор неизменно падал в пользу второго. Его сослуживцы, – они же и конкуренты – с которыми Павел делил офис, одним пальцем, между ланчами и перепиской с друзьями, накидывали нехитрый программный код, изменяя ради иллюзии чего-то свежего несколько строчек – и преспокойненько получали премиальные за отлично и в заданный срок выполненную работу. А Павел оставался без премии, без хорошего настроения и, главное, без понимания, которое для него, может, было даже важнее денег.

Денег им с Машей более чем хватало. У Павла и без премий оклад был в полтора раза выше Машиного. На его деньги они и жили последние три года перед тем, как расстаться. Да... Это-то расставание и стало поворотным моментом в жизни Маши. С каждым новым отклонённым проектом Павел всё больше мрачнел и погружался в себя. Маша не смогла долго выдерживать эту его отстранённость и спровоцировала на откровенный разговор. Оказалось, что Павел решил уйти из компании и уже месяц как подыскивал себе новую работу. Но даже в самом лучшем из вариантов получалось, что он терял в зарплате почти пятьдесят процентов. Фирмы с хорошими зарплатами были ничем не лучше той, из которой Павел собирался уйти – они тоже не дали бы хода его идеям. А те конторы, которые пошли бы на риск, не могли позволить себе поначалу высоких зарплат. Они с Машей прикинули – и выходило, что ту квартиру, которую три года уже снимали, они в случае увольнения Павла потянуть не смогут. А Маша успела уже привыкнуть к комфорту, да и начинать что-то с нуля ей жуть как не хотелось. В голове у неё успел нарисоваться скоростной лифт, который уносил на самые верхние этажи компании. Маша была девушкой амбициозной, и для подобных амбиций имелись у неё реальные основания. А тут такой поворот! Вероятность того, что её социальный лифт вдруг зависнет, не пройдя и половины пути, и медленно начнёт движение обратно к первому этажу, никак не устраивала поверившую в скорый успех Машу.

– Ты пойми, Маш, – говорил Павел, – рано или поздно нервы у меня всё равно сдадут. Меня словно привязали наручниками к батарее и держат на голодном пайке, в то время как все нормальные люди свободны и развиваются в правильном направлении. Придёт день – и я психану. Уйду со скандалом. А ты знаешь Андреича – он человек мелочный и мстительный, потом палки станет совать в колёса, всем потенциальным работодателям нажужжит, что я в своём деле некомпетентен. И ведь прислушаются к нему! И не потому что поверят его словам, а просто не захотят связываться с влиятельным человеком.

– Ты преувеличиваешь, – возражала ему Маша. – Нормальный чел. Ты поговори с ним, объясни свои цели, убеди, что твои идеи выведут компанию на новый уровень. Мне кажется, он в состоянии всё правильно понять.

– Что?! – Павел посмотрел на свою подругу так, будто усомнился в её здравом рассудке. – Ты это сейчас серьёзно? Ты полагаешь, что я не пытался этого делать? И думаешь, я от обиды наговариваю на босса?

Маша почувствовала, что, наверное, сказала и правда что-то очень глупое. Но она ведь действительно считала Сергея Андреевича вполне вменяемым человеком. По крайней мере, с ней он вёл себя адекватно, всегда хвалил, если на то были реальные основания, и мягко указывал на ошибки, когда она их время от времени допускала. Маша знала, что многие считают шефа именно таким, каким обрисовал его Павел. Но внутренне она всегда с этим не соглашалась. А шеф как будто читал её мысли и с каждым днём становился к Маше всё более внимательнее и снисходительнее. Некоторым даже начинало казаться, что между ними намечается какая-то более тесная связь, выходящая за рамки служебной.

– Ну потерпи ты ещё немножко, – постаралась сменить тему Маша. – Накопим на своё жильё и тогда решим вопрос с твоей перспективой. Да, жизнь, может быть, и несправедлива. Наверное, то, что ты можешь, сделало бы фирму успешней. Но иногда стабильность бывает важнее успеха. Паш. Не хочу я сейчас париться по поводу переезда. Это столько нервов. Я очень тебя прошу, ну давай ещё пару годиков оставим всё как есть. А потом решим.

– Мне двадцать восемь, Маша. – Павел совсем погрузился, опустил глаза и обращался будто бы к кошке, которая лежала возле его ног. – Через пару годиков, как ты выразилась, мне стукнет тридцатник. Я перегорю. Перестану быть тем, кто я сейчас. Я же не машина по выработке идей. Через какое-то время я превращусь в такое же безразличное существо, как Кирюха или Антон, полдня буду лазить по порносайтам и новостным каналам вместо того, чтобы работать. Это ужасно, Маша. Неужели ты этого хочешь?

– Мы справимся, – говорила подруга, краешком ума уже понимая, что не сможет переубедить Павла.

Это был их последний разговор по душам. А дальше всё произошло именно так, как и предвидел Павел: после отклонения его пятого проекта, который он, как ему казалось, упростил до неприличия, нервы сдали окончательно. Павел послал Сергея Андреевича на три известные буквы, написал заявление на расчёт и не стал даже отрабатывать две недели. Вечером того же дня не выдержала и Маша: накричала на Павла, обозвала его истеричкой и даже – о, ужас! – сказала, что Сергей Андреевич намного адекватнее Павла, поскольку, вопреки ожиданиям последнего, не стал предъявлять беглецу никаких штрафных санкций и даже высказал Маше свои сожаления по поводу утраты такого ценного программиста. Это был удар ниже пояса. Павел собрал свои вещи и ушёл из квартиры, оставив Машу в тревожном одиночестве плакать и корить себя за несдержанность в таком преступном сравнении.

Ещё целую неделю Маша надеялась, что Павел ей позвонит, что как-нибудь они смогут утрясти эту непростую ситуацию, в которой вдруг оказались. Но Павел молчал. И даже не ответил на звонок Маши, когда та захотела первой перед ним извиниться.

Видя состояние девушки, Сергей Андреевич, которому, к слову, исполнилось совсем недавно лишь двадцать девять, окружил Машу трогательной заботой: существенно повысил

оклад, выделил самый лучший кабинет по соседству со своим собственным, да и вообще зачистил к ней с душеспасительными беседами. Маша, к своему собственному удивлению и совсем немножко к стыду, спустя ещё неделю перестала переживать по поводу упорного молчания Павла, а к концу месяца и вовсе удалила его номер из телефона и почти не вспоминала о друге. Благодарность её за оказанную поддержку, позволившую сохранить за собой так любимую квартиру, стала постепенно перерастать в симпатию к Серёже, совсем скоро готовую пересечь ту грань, за которой начинаются интимные отношения. И полтора месяца свободной жизни тем и закончились, совершенно вскружив Маше голову и заставив всерьёз поверить в то, что у Сергея на неё самые серьёзные виды.

Тот успел познакомить девушку со своим отцом. А такое, надо сказать, не случается просто так и между делом. Отец Сергея, Андрей Георгиевич, и был, собственно говоря, настоящим владельцем компании, а сына поставил только исполнительным директором, дал ему, так сказать, возможность проявить себя в полной красе и убедить старика в том, что дело всей его жизни перейдёт рано или поздно в надёжные руки. И скорее это должно было случиться рано, поскольку ходили по фирме разговоры о том, что Андрей Георгиевич неизлечимо болен и жить ему осталось недолго. Лично получив возможность побеседовать с отцом Сергея, Маша пыталась понять, оправданы ли подобные слухи. Но понять этого не смогла – седовласый пожилой мужчина со строгими манерами и суровыми чертами лица ни единым словом, ни случайным жестом не выдал перед ней никакой слабости, которая могла бы показаться явным признаком рокового недуга. Он внимательно всматривался в новую подругу своего сына, задавал простые вопросы, деликатно отвечал на Машины, когда та решалась проявить инициативу в беседе. Маше казалось, будто он оценивает товар, прежде чем одобрить покупку сына. Это не вполне внятное чувство своей какой-то неполноценности тем же вечером было вытеснено праздником, который устроил Сергей для Маши. В конце концов, ну не с отцом же ей жить, если вдруг отношения с Сергеем примут серьёзный оборот.

И ровно через два месяца после того, как Павел навсегда исчез из Машиной жизни, серьёзный оборот таки и соизволил случиться – Сергей сделал Маше предложение, на которое она, не долго думая, согласилась.

Нельзя сказать, что это её очень обрадовало или воодушевило. Скорее, поначалу она испугалась. Ну как такое вообще могло с ней случиться? Кто она, чтобы суметь покорить сердце будущего хозяина одной из крупнейших строительных компаний? Маша, конечно, девушкой была симпатичной. Но не мисс вселенная и даже не мисс Владивосток. Да и ума не выдающегося. Формально, само собой, и золотая медаль, и красный диплом говорили о том, что мозги-то у неё есть. Но таких, с медалями и дипломами, было в их фирме целых три этажа. Не угадывалось в ней того полёта ума, который имелся, к примеру, у того же Павла, хоть тот не являлся обладателем красных дипломов. Что-то во всём этом было неестественным, неудобным, никак не вкладывающимся в её простецкий характер. Сомнения одолевали её дня три или четыре. Но, прокручивая и так и сяк случившийся поворот, Маша не могла найти в нём никакого подвоха. Просто повезло, решила она. Просто так сложились её звёзды. Может, такой расклад имеется сплошь и рядом – среди жён миллиардеров немного найдётся каких-то выдающихся имён со своей личной историей и неоспоримыми качествами. Достойные принца женщины чаще всего погибают в одиночестве, затравленные завистниками и лицемерами. В общем, чего-чего, а убеждать саму себя в самом невероятном Маша умела. Убедила и в этот раз.

Сослуживцы стали менее охотно с ней разговаривать, стараясь держаться на расстоянии. Маша не могла понять – то ли это оттого, что повысился её статус, то ли оттого, что все молчаливо осуждали её за предательство Павла. А в глазах не успевших ещё забыть талантливого коллегу людей такой выкрутас в поведении Маши выглядел по меньшей мере нечестным.

После того, как Маша согласилась стать женой Сергея, жизнь вокруг будто ускорилась в полтора раза. Сергей явно спешил со свадьбой. Уставшая от постоянных сомнений, Маша однажды не утерпела и прямо спросила жениха о причинах такой спешки.

– Малыш, – ответил тот, снисходительно улыбнувшись и погладив её по плечу, – ну ты же знаешь о состоянии моего отца.

– Не знаю, – помотала головой Маша. – Я знаю о слухах, которые блуждают по офисам, но ты мне никогда не рассказывал о здоровье Андрея Георгиевича.

– Неужели? – наигранно удивился Сергей. – Хм... Отец нездоров. Очень нездоров. До такой степени, что вбил себе в голову, будто жить ему осталось месяц или максимум два.

– Вбил? А это не так? Что говорят врачи?

– Да не важно, малыш, что говорят все эти шарлатаны. Их нанял совет директоров. Крутятся вокруг папы, словно мухи, закармливая его микстурами. Он ещё и нас с тобой переживает. Но поскольку он вбил себе в голову идею своей скорой кончины, то торопит меня со свадьбой. Хочет присутствовать на ней, пока ещё в состоянии. Хочет быть уверенным в том, что единственное его дитя счастливо и окружено заботой волшебного существа по имени Маша. Ты ему очень нравишься.

Очередная порция лести подействовала на Машу, как успокоительное. Да вроде объяснение Сергея выглядело логичным. Чего это она напрягается постоянно не по делу? Надо взять себя в руки. К чёрту сомнения!

Но сомнение снова вернулось через минуту, когда Сергей, глотнув из пузатого бокала текилы, закурил и тихо произнёс:

– Послушай... Надеюсь, ты сможешь правильно меня понять. – Он немного закашлялся от волнения, сделал паузу и, посмотрев на Машу показавшимся ей чужим взглядом, неторопливо продолжил: – Не думаю, что тебя удивит моё желание заключить брачный договор.

– Это само собой, – сказала Маша. Она и в самом деле не сомневалась в том, что так и должно быть. Не мог Сергей рисковать делом всей жизни, если их брак вдруг по какой-то причине окажется не таким крепким.

– Хорошо, что ты это понимаешь, – продолжил Сергей. – Но дело в том, что отцу эта идея не кажется такой логичной.

– Он против договора?

– Да. Как это ни странно. Я, честно говоря, не очень понимаю причину его неприязни относительно этого пункта. Но пришлось пообещать, что никаких контрактов между тобой и мной не будет. Разумеется, мы подпишем все необходимые по договору документы. Но об этом ни в коем случае не должен узнать отец. Понимаешь?

– Понимаю.

Хотя Маша и сказала так, на самом деле она опять стала терять эту спасительную нить здравого смысла и спокойствия, за которую смогла было ухватиться. Что за странное желание Андрея Георгиевича? Зачем? Уж на кого-кого, а на романтика этот матёрый бизнесмен походил меньше всего. Наверняка скрывались за всем этим какие-то подводные камни, о которых Маша узнает в самую последнюю очередь, если вообще ей это когда-то позволят. Или Сергей просто придумал это, и тогда всё запутывается ещё больше.

Маше не у кого было спросить совета. Единственным близким человеком был для неё когда-то лишь Павел. Познакомились они с ним ещё в детстве, оказавшись в одном детдоме. Маша была девочкой хрупкой, чересчур эмоциональной и с характером. А таких всегда хотелось сломать. И её пытались ломать, и это почти получилось. Почти... Потому что рядом с ней вдруг вырос из ниоткуда Павел. В детстве он был довольно крупным мальчиком и к тому же сообразительным не по годам. Такое сочетание качеств позволило ему иметь солидный авторитет в детдомовской среде. Чем так покорила его Маша, для неё навсегда осталось загадкой. Павел на её вопрос по этому поводу всегда отвечал одно и то же:

– Маленькая моя, я влюбился в тебя с самого первого взгляда и не мог поступить иначе.

Долгих три года Павел опекал Машу, пока его не усыновила одинокая семья из Воронежа. Но он успел обучить девочку всем необходимым для выживания в этой среде навыкам, познакомил с нужными людьми, научил более-менее предугадывать поступки других. Последнее у Маши получалось хуже всего, она почти всегда ошибалась. Но и того, чему она сумела научиться, с лихвой хватило, чтобы достойно держаться и не позволять себя обижать, а потом с золотой медалью окончить школу и выйти во взрослую жизнь с полной уверенностью в том, что отныне ей всё по плечу. О её детдомовском прошлом мало кто знал из знакомых. Не любила она вспоминать те времена, и уж тем более нисколько не гордилась тем, что смогла выбраться наверх оттуда, откуда для большинства выхода никакого не существует. Да, было невероятно сложно, иногда до такой степени, что хотелось на всё плюнуть, опустить руки, пуститься во все тяжкие и поплыть по течению, надеясь на чудо. Но она выстояла, смогла удержать равновесие и не сбиться с намеченного пути.

В следующий раз они встретились с Павлом в то время, когда Маша училась на последнем курсе юридического. Павел уверял её в том, что их встреча была случайной, но Маша подозревала, что не просто так он переехал из Воронежа на Дальний Восток. Отношения их довольно быстро переросли во взаимную влюблённость, они даже всерьёз стали задумываться о свадьбе. Но случилось то, что случилось... Может быть, Маше подсознательно не хотелось, чтобы Павел продолжал её опекать, чтобы он перестал быть «старшим братом» в их новом союзе, хотелось показать ему, что и сама она способна позаботиться и о себе, и о нём... Но то, чему она так и не научилась в детдоме, продолжало оставаться камнем преткновения в её жизни: она не понимала, чего на самом деле хотят от неё люди. Её эмоциональность всегда брала верх над всем остальным, будь то логика действий, обязательства или рациональный расчёт.

Потому и не имела она близких друзей, с кем можно было бы поделиться сокровенным и спросить совета со стороны. Потому и вспомнила она – впервые по-настоящему за этот последний месяц – о Павле и пожалела, что его нет сейчас рядом.

День свадьбы был наконец озвучен. До него оставалась неделя. Нужно было успеть разослать приглашения, провести несколько вечеров на примерках, посетить кучу бутиков и салонов. Всё закружилось, завертелось, заискрило, ударило в голову смесью сказочных ожиданий и колющих неприятно предчувствий. Маша даже не осознала, как пролетели три дня.

– Всё, – сказал наконец Сергей. – Теперь можно и расслабиться. Ты в курсе, что послезавтра у меня мальчишник?

– Что? Неужели свадьба уже через четыре дня?

– Не верится?

– Не верится, – согласилась Маша.

– А ты приглашена на девичник.

– Нет-нет-нет, – замахала руками невеста. – Какой ещё девичник? Серёжа. У меня и подруг-то толком никаких нет.

– А вот они так не думают, – обняв Машу, с улыбкой сказал Сергей. – Тебе ни о чём не нужно заботиться. Они сами всё устроили. Тебе нужно только придти. Гардероб у тебя теперь на любой выбор.

– Ну-у... – жалобно простонала Маша. – Зачем всё это? О чём мне говорить-то с ними? Я знакома-то с большинством только шапочно. Серёж. Это обязательно?

– Обязательно. Лиза там будет. Дарья. Ты же их прекрасно знаешь.

– Дашка? Ну... Не знаю. Ох. Ладно. Как-нибудь справлюсь.

– Вот это другой разговор. Тебе все будут очень рады. Поверь мне. К тому же не возникнет поводов мне завидовать. У меня-то друзей завались, и я намереваюсь от души повеселиться.

– Хорошо. А где намечен банкет?

– Твой на Промысловой. Ресторан «Пальмира». Помнишь? Мы как-то с тобой были, и тебе там понравилось.

– Помню.

– А у нас на Новой Набережной. Высотку там как раз сдали. Весь сорок третий этаж в нашем распоряжении. Заодно отметим и последние деньки моей холостяцкой жизни, и закрытие очень удачного проекта. Как-нибудь мы туда обязательно с тобой съездим. На сегодняшний день это самое современное во всём городе здание. Запихнули туда всё совершенство сегодняшних технологий. Гордость нашей компании. Только с лифтами пока проблема. Но это не наш косяк. Лифты в этот раз отдали другой фирме. Но это не страшно. Через недельку-другую всё будет готово.

Намеченный на предсвадебную тусовку день настал, а Маша так и не успела должным образом на него настроиться. Ощущения на сердце были отвратительные. Радовало лишь то, что на девичнике предполагалось присутствие Дашки, с которой отношения у Маши не претерпели после её сближения с боссом катастрофических изменений. Не то чтобы они были очень близки, но, по крайней мере, могли понимать друг друга и имели схожие почти во всём вкусы. К тому же Дашка видела в поддержании дружеских отношений с Машей для себя некоторые перспективы. И это было нормально, на её месте Маша, пожалуй, рассчитывала бы на то же.

Из всего богатого гардероба Маша выбрала самое скромное платье. Не хотелось подчёркивать перед сослуживицами и жёнами менеджеров свой новый статус. Даже туфли она решила не надевать, обувшись в очень удобные бежевые кроссовки. И от услуг личного Серёжиного шофёра Маша тоже отказалась – доехала до ресторана на обычном такси.

В зале было уютно. Дам, пестрящих своими лучшими нарядами, оказалось не так много, человек двадцать. Стол был шведский, и играла живая музыка.

Маша поискала глазами знакомые лица. Слава богу, и Даша, и Лиза пришли, как и обещал Сергей. Маша успокоилась и пошла приветствовать знакомых и не знакомых, лучезарно улыбаясь и пожимая всем холёные руки.

У Сергея же с друзьями всё как-то не задалось с самого начала. Половина гостей уже успели разместиться на сорок третьем этаже, а вот он сам и ещё четверо самых близких приятелей застряли в лифте между девятнадцатым и двадцатым этажами.

Хорошо, что аварийная служба сразу откликнулась на экстренный вызов и пообещала в кратчайшие сроки прислать ремонтника, который вызволит их из плена.

Ремонтник прибыл через десять минут. Оперативность, надо сказать, оказалась на высоте. Сергей даже обрадовался тому, что заодно удалось протестировать и аварийную службу. Худо, как говорится, без добра не бывает. Ремонтник, представившийся Вячеславом, предупредил ещё до своего приезда, что лифт может повторно заглохнуть, поскольку в программе не успели исправить системную ошибку. Он сам вызвался задержаться в аппаратной, если ему дадут доступ, и всё починить. Сергей проконсультировался с какими-то людьми по мобильному и согласился – Вячеслав получил доступ, а компания благополучно добралась до нужного этажа и тут же переключилась на праздник.

У Маши в «Пальмире» на первый взгляд всё проходило гладко. Приняв кучу поздравлений и шуточных сожалений о скором окончании холостяцкой жизни, Маша постаралась затеряться в образовавшейся суете и позволила себе уже третий бокал вина. На душе не переставали скрестись кошки, мысли путались в голове, хотелось просто куда-нибудь убежать и спрятаться в самый тёмный из уголков. Удерживала её только Даша, которая вполне понимала её смятение и искренне помогала бесконечными разговорами продержаться до окончания вечеринки.

– Слушай, – сказала она, едва заметно показывая глазами в сторону барной стойки, за которой одиноко сидела незнакомая Маше девушка, – видишь вон ту дамочку в печали?

Маша посмотрела в направлении незнакомки:

– Вижу. Только не знаю, кто это. Да я здесь и половины гостей не знаю.

– А это, – Даша приблизилась к подруге и проговорила почти шёпотом, – бывшая твоего Серёжи.

Маша в удивлении подняла брови:

– А что она здесь делает?

– Да кто ж её знает. Не думаю, что Сергей решился бы её пригласить. Не нравится мне это. Постарайся далеко от меня не отходить. Мало ли что у неё на уме.

– Интересно, – промолвила Маша и почувствовала, как кровь в жилах заиграла у неё впервые за весь вечер. Хоть что-то интересное. Слова Даши об осторожности нисколько не смутили – напротив, захотелось подойти к этой девушке и осведомиться, кто её пригласил.

– И долго они были с Сергеем вместе? – спросила Маша.

– Года четыре, насколько я знаю.

– И почему расстались?

– Ходили слухи, что отец вроде как не одобрил её кандидатуру. Да и сам Сергей... Ну... Не думаю, что сегодня будет уместно пересказывать все эти нелепые сплетни...

– Да нет уж, – напряглась Маша, – рассказывай, раз начала.

– Сама я в это, конечно, не верю, – продолжила, опустил глаза, Даша, – лично свечку ни над кем не держала. Но поговаривали, что Сергей сильно ей изменял, прямо как будто дразнил бедную девушку, уж не знаю, с какой целью. По молодости он был, конечно, тот ещё кобелина. А после того, как расстались, будто подменили его – сделался почти джентльменом, сдержанный такой, при этом не в меру строгий, в общем, суровый мужчина, весь в своего отца. Послушай, я чувствую, ты что-то задумала. Хочешь поговорить с ней?

– Хочу, – не стала скрывать Маша.

– Не играй с огнём. Через пару часов вечеринка закончится и мы спокойно разъедемся с тобой по домам. Машка! Одумайся.

– Ну уж нет, – делаясь всё решительней, отрезала Маша. – Ведь не просто же так она пожаловала в эту берлогу. Есть цель. И я должна о ней знать.

– Вот же я дура, – укоризненно произнесла Даша. —Зачем только сказала тебе об этом. Хочешь, я сама с ней поговорю?

– Нет-нет, – замотала головой Маша. – Я сама. Я недолго. Ты не переживай. Окей?

– Да ни хрена не окей, – нахмурилась подруга. – Но разве тебя остановишь теперь... Иди уже. Если что, я рядом и начеку.

– Хорошо, – сказала Маша и уверенным шагом направилась в сторону барной стойки.

Бармен, до этого молча протиравший бокалы, дежурно улыбнулся и спросил:

– Что-то желаете?

– Можно что-нибудь покрепче? – сказала Маша. Ей и в самом деле захотелось теперь напиться, чтобы унять в конце концов эту не прекращавшуюся тревогу. – За шведским одно только вино.

– Водка? Виски? Текила?

– Водки. Двойную, если можно.

Незнакомка, краешком губ улыбающаяся чему-то, оценивающе посмотрела на Машу.

– Что-то пошло не так? – спросила она.

– Перед свадьбой, – ответила Маша, – мне кажется, у всех состояние, близкое к панике. У вас уже имеется такой опыт?

– Да бросьте, – усмехнулась девушка. – Думаю, вы уже в курсе, кто я. И так близко к этому роковому моменту в жизни я ещё не приближалась. Меня Вика зовут. Если вам интересно.

– Угу. – Маша залпом опустошила наполненную барменом рюмку. – Очень интересно. А я Маша, что для вас, думаю, тоже не является новостью. Можно поинтересоваться, с какой целью вы на этом празднике жизни?

– Можно, – кивнула головой Вика. – Хочу спасти вас от непоправимой ошибки.

– Вот как? – Машу даже слегка восхитила такая прямота бывшей Сергея. – Полагаю, что под ошибкой вы имеете в виду предстоящую свадьбу?

Вика тяжело вздохнула, потом взяла со стойки свой мобильник и показала его Маше.

– Мой сел, – сказала она. – Не одолжите свой? Мне нужно сделать один очень важный звонок. Потом я обязательно отвечу на ваш вопрос.

– Пожалуйста. – Маша протянула девушке телефон, внутренне сопротивляясь собственной покорности. Неожиданная открытость Вики словно заворожила её.

– Я на минутку отойду, – сказала та, взяв сотовый из рук Маши. – Здесь шумно очень. Вы не беспокойтесь, верну в целости и сохранности.

Маша молча пожала плечами.

Вика, набирая номер, медленно направилась к выходу. Как только она скрылась из виду, к Маше тут же подошла Дашка.

– Ты серьёзно? – воскликнула она.

– Что?

– Ты дала ей свой телефон?

– Да.

– Зачем?

– А что она может с ним сделать? Полистать галерею наших с Сергеем фоток? Ничего особо личного в телефоне нет. Да и не думаю, что она попросила мобильник с такой глупой целью.

– Ну здравствуйте, – удивилась Даша. – Она уже успела тебя очаровать?

– Да вроде вполне адекватная дама. Не ожидала.

– Фух, – выдохнула подруга. – Машка-Машка. Какая ж ты легковёрная. Можно мне тоже водки? – обратилась она уже к бармену.

– И мне двойную, – попросила Маша.

– Ну всё, – всплеснула руками Дашка. – Чувствую, придётся мне тебя доставлять сегодня до самой кровати.

И они рассмеялись. Алкоголь уже начал кружить голову, путать желания и мысли. Всё вокруг сделалось для Маши удивительно интересным, загадочным и непременно со счастливым исходом.

Однако, опустошив свои рюмки и обсудив пару вопросов, подруги начали беспокоиться, потому что Вика уже минут десять не возвращалась с телефоном обратно.

– Я, пожалуй, посмотрю, где она там застряла, – сказала Маша.

– Я с тобой.

– Нет-нет, не надо. Остайся здесь. Выйдешь, если я не вернусь через пятнадцать минут.

– Как скажешь, – обиженно произнесла Даша.

– Извини. – Маша тронула её за локоть и тоже направилась к выходу.

В нижнем фойе Вики не оказалось. Нашла её Маша только на улице. Та стояла, упершись одной ногой о фасад ресторана и куря тонкую сигарету.

– Я вас обыскала, – сказала Маша и протянула руку.

Вика положила ей на ладонь телефон:

– Скоро тоже сядет. Извини, – Вика неожиданно перешла на ты.

Маша была не против.

– Ты хотела мне что-то рассказать, – напомнила она.

– Ну да. За этим и вышла, чтобы выманить тебя на воздух. А то ты зачастила со стопками. А тебе потребуется этим вечером ясный ум и здравый рассудок.

– Это ещё зачем?

– Затем, чтобы узнать правду о своём будущем муже.

– Я слушаю. Только не думай, что сможешь ввести меня в заблуждение. Что бы ты там ни сказала, не думаю, что это как-то изменит моё отношение к Серёже.

Вику слегка передёрнуло.

– Да я особо ничего и не буду тебе рассказывать, – сказала она. – Понимаю, что ты на слово не поверишь. Ты знаешь адрес, по которому проходит мальчишник?

– Знаю. И что там не так?

– Всё не так. Предлагаю тебе самой туда съездить и увидеть собственными глазами.

– С какой стати? Хочешь выставить меня душой?

Вика рассмеялась.

– Да как знаешь, – сказала она, прикуривая вторую сигарету. – Я не настаиваю. Тебе жить. Вы уже оформили с Сергеем брачный договор?

– Не твоё дело.

– Понятно. Значит, договор имеет место быть. Имей в виду, что, как только не станет его отца, он на следующий же день подаст на развод. С работы, разумеется, ты тоже будешь уволена. И останешься у того же разбитого корыта, с которым явилась на фирму в надежде на блестящее будущее. Ты ведь детдомовская?

– И это тоже тебя не касается.

– Если так, то выкрутишься, не сомневаюсь. Но столько времени и нервов будет потрачено впустую. Мне просто жалко тебя.

– Себя лучше пожалей, – продолжала злиться Маша. – Я слышала, ты прожила с Сергеем целых четыре года. И надо же, какой после стольких усилий облом. Что, завидно?

В душе она чувствовала, что в словах этой странной девушки есть что-то, о чём она и сама подсознательно всегда догадывалась. Ну кто она такая, чтобы рассчитывать на фантастическую удачу? За всей этой скоропалительной свадьбой имелся какой-то чудовищный подвох. Она же понимала это, хотя и загоняла свои догадки в самую глубину сознания, так чтобы невозможно было ими испортить бурно развивающуюся сказку. Но ведь всякое случается в жизни. Наверное... Или это только в кино бывает? Реальных историй золушки она ни от кого пока не слышала. В мире богатых людей ничего не происходило спонтанно – каждый их шаг, каждое их решение были нацелены на приумножение капитала и на укрепление своих позиций; одно слабое звено могло легко порвать эту денежную цепь, которая плелась десятилетиями, а иногда и целыми поколениями, насчитывающими сотни лет.

– Допустим, – после затянувшейся паузы добавила Маша, – я поеду на этот мальчишник. И что я там увижу?

– Увидишь истинное лицо Сергея. У него, кроме тебя, есть ещё как минимум две потенциальные жены. И они присутствуют в том здании на сорок третьем этаже.

Маша вздрогнула и ещё больше напряглась.

– Он и меня приглашал, – сказала Даша. – Такие «мальчишники» у него с друзьями – самое обычное дело. На одном из них мне однажды не посчастливилось побывать. До сих пор ненавижу себя за это. Содом и Гоморра отдыхают на фоне того, что они вытворяют. И отец Сергея начал недавно догадываться об этом. Но, в отличие от сына, у него ещё остались хоть какие-то представления о незыблемых правилах жизни. Он непременно вознамерился женить наследника на более-менее приличной женщине, в надежде, что та вправит ему мозги. Но Серёжа – парень не простой. Серёжа у нас – образцовый самец, и при этом ещё напрочь лишённый совести, чувства долга и, уверяю тебя, каких-либо перспектив. Он на плаву до тех пор, пока жив его папаша. Даже если вы и не разведётесь, он и тебя потащит за собой на самое

дно. Сейчас у тебя есть возможность всё исправить. Завтра будет уже поздно. Так что решай сама. А мне пора. Моё такси. Пока, подруга. И не поминай лихом. Хотела как лучше.

Вика уже сделала несколько шагов в сторону такси, когда вдруг остановилась, вынула из сумочки какой-то конверт и, обернувшись, произнесла:

– Возьми. Если надумаешь заглянуть на сорок третий этаж, то тебе пригодится. Это приглашение. Покажешь охраннику, он без проблем пропустит.

Маша задумалась на секунду, подавляя желание схватить приглашение и тут же броситься на вечеринку к Сергею, но сдержать свой порыв так и не сумела. Перехватив из рук Вики приглашение, Маша молча развернулась и зашла в фойе ресторана.

Первой мыслью её было сейчас же рассказать о случившемся разговоре Дашке, спросить у той совета и поделиться наконец своими собственными сомнениями относительно предстоявшей свадьбы. Но через минуту она уже посчитала это неразумным, а, если честно, то просто побоялась показаться в глазах не самой близкой подруги душой. Ведь что бы там ни сказала ей Дашка, она всё равно не сможет удержаться от того, чтобы сделать не очень приятный сюрприз Сергею. И если мальчишник окажется именно тем, чем он и должен быть по традиции, то непременно поползут по фирме разговоры, а Даша, в силу своего неуёмного стремления сделать карьеру, окажется вовсе не на её стороне. Она, конечно, не плохой человек, но только если где-нибудь в кулуарах или в тихих кафе, когда не требуется демонстрировать на показ свои добрые человеческие качества и не надо впрягаться перед всеми за лузера. Нет. Либо Маша прямо сейчас вызывает такси и едет на Новую Набережную, либо выбрасывает приглашение в урну и больше никогда не возвращается к этому вопросу.

Охранник, сидевший в тесной будке и доедавший картошку с тушёнкой, недовольно открыл дверь, нахмурился, покрутил в руке приглашение и, не проронив ни слова, жестом разрешил Маше пройти на территорию объекта.

Внутри, за высоким тёмно-красным забором, всё было готово к тому, чтобы принять первых арендаторов новых офисных помещений. В отблесках заходившего солнца сверкали зеркальные грани высоток, отбрасывая на вымощенные бледно-малиновой плиткой тротуары причудливые блики, от которых пестрило в глазах. Не понятно откуда взявшиеся грачи важно выхаживали по зеленеющим молодой травой клумбам, словно проверяли их готовность принять в себя новую жизнь. Вдоль тротуаров и возле фасадов зданий зажглись фонари. Повсюду стояла звенящая тишина. Казалось, что Маша попала в город, из которого исчезли все люди. Только на сорок третьем этаже самого высокого из строений злое горел свет.

Хмель почти целиком успел выветриться из головы, пока Маша всё ближе и ближе подходила к своей цели. В вестибюле она с опаской осмотрелась вокруг, боясь наткнуться раньше времени на какого-нибудь заблудившегося или опоздавшего гостя. Но вестибюль, в полумраке которого только ярко светились красные стрелки на панелях вызова лифта, не было ни души.

Лифт опустился довольно быстро. Зайдя внутрь, Маша нажала на необычном табло, больше напоминающем компьютерный монитор, число «43». На экране исчезли все кнопки, и вместо них появилось миловидное женское лицо.

– Здравствуйте, – заговорило оно. Маша вздрогнула и хотела было поздороваться в ответ, но тут же опомнилась и рассмеялась.

Двери почти бесшумно закрылись, и лифт стал медленно набирать скорость.

– Добро пожаловать в «Золотую башню», – продолжила разговаривать компьютерная девушка. – К вашим услугам мы предоставляем самые современные технологии и удобства от фирмы «Парус». Не выходя из кабины лифта, вы можете сделать звонок в любой из офисов нашего здания. Достаточно только назвать номер нужного офиса. Секретарь примет вызов и ответит на все ваши вопросы. Так же с помощью нашей карты вы можете заказать и оплатить

прямо отсюда любые доступные для гостей услуги – массажный салон, парикмахерскую или ресторан. Всё ради вашего комфорта. Удачного вам дня.

Пожалуй, весь этот монолог был не очень уместен – ведь не на луну же собираются люди, заходящие в лифт. Не хватало только фразы «пристегните ремни и отключите мобильные телефоны». Впрочем, это могло быть сделано временно, только для рекламы и демонстрации потенциальных возможностей чудо-лифта.

Однако начавшаяся сказка секунд через двадцать прервалась неожиданной остановкой. В кабине на мгновение погас свет, но сразу же включился, судя по всему, аварийный. Снова загорелось табло с изображением девушки, только на этот раз вид у неё был довольно серьёзный.

– Просим прощения за временные неудобства, – прозвучал голос. – В электрической сети произошёл сбой. Просьба не волноваться. Мы уже послали вызов диспетчеру. В ближайшие минуты неисправность будет устранена. Сейчас вы находитесь между двадцатым и двадцать первым этажами. Пожалуйста, ждите.

Девушка с экрана пропала, и вместо неё появились какие-то загорелые танцующие люди и зазвучала зажигательная музыка.

У Маши и без того на сердце было тревожно. Она внутренне готовилась стать свидетелем «Содома и Гоморры», которые обещала ей Вика, и думала, что же скажет Сергею, если это окажется правдой. И что произошло с лифтом? Очередная демонстрация возможностей электронной начинки? Или кабина и в самом деле застряла в неподходящий момент? И какому такому диспетчеру эта рисованная кукла послала вызов? В здании, кроме веселящихся на сорок третьем этаже гостей и Маши, никого не было. Охранник скорее всего вообще был чистой формальностью и никаких дополнительных функций, кроме бессмысленного смотрения в монитор, не нёс. Вряд ли у него есть доступ к камерам лифта. И что ей теперь делать? Позвонить Сергею? Сказать, что она зависла между двадцатым и двадцать первым?

Маша достала телефон и набрала босса. Но тот не хотел брать трубку. Или не слышал? И что она ему скажет, если он всё же ответит? Даже если на этом мальчишнике и творится что-то непотребное, то после звонка вечеринка в любом случае успеет принять благообразный вид. Если, конечно, Маша дорогá будущему супругу. Сама же она при таком раскладе будет выглядеть полной идиоткой, поверившей первой встречной, вместо того, чтобы послать её далеко и надолго. Свадьба может расстроиться, не начавшись.

Неожиданно экран телефона погас. Маша снова попыталась его включить, но безрезультатно – телефон сел. С утра же заряжала его на 100%! Да что с ним делала эта Вика?! Специально что ли его посадила? Час от часу не легче! С одной стороны, и хорошо, что она не смогла дозвониться до Сергея. Но с другой... Что ей теперь делать? А если лифт не починят до полуночи или до самого утра? Когда закончится этот мальчишник? Боже мой! А если... А если другая шахта работает, и все гости благополучно разъедутся по домам – сколько придётся здесь проторчать Маше?! Она ведь и Дашке не сказала ничего о своей поездке. Просто исчезла из ресторана. И теперь ищи-свищи. Сколько можно продержаться без воды? Дней девять? Да ещё раньше голову станет глючить, начнутся обмороки... А если захочется по нужде? Мысли, одна страшнее другой, нахлынули на Машу неудержимым потоком. Что ей делать? Что делать? Она посмотрела вверх, надеясь обнаружить люк, через который в крайнем случае можно было бы выбраться в шахту. Вон она даже и кроссовки обула предусмотрительно. Повезло. Да какие к чёрту кроссовки! О чём она вообще? Это только в дешёвых боевиках лихие парни и девушки отвинчивают люк и прыгают, как обезьяны, по шахте. Но в жизни всё наверняка выглядит по-другому. К люку, даже если бы он имелся, не было бы доступа ни для кого, кроме специального человека со специальным ключом и знанием аварийных путей отхода. Маша вспомнила даже новость, как-то промелькнувшую в интернете: в Китае женщину нашли мёртвой после нескольких дней в застрявшем лифте.

«Всё кончено, – подумала Маша, схватила руками за голову и медленно сползла по зеркальной стене лифта на пол. – Всё кончено».

– Привет, Маша, – неожиданно раздался мужской голос.

Маша опять вздрогнула. Подумала, что галлюцинации уже начались – не от обезвоживания, конечно, а просто, может быть, от стресса. В лифте, кроме неё, никого, разумеется, не было. Она посмотрела на цифровую панель – танцующие люди с неё исчезли, музыка тоже перестала играть.

– Это я, Павел, – продолжил говорить голос. Теперь источник звука стал очевиден – стерео динамики с двух сторон от панели.

Маша узнала его голос. Сердце учащённо заколотилось в груди. Но как? Почему? Каким образом Паша получил доступ к лифту в тот самый момент и в том самом месте, когда Маша оказалась в ловушке? Бред какой-то. Всё смешалось в голове девушки – и невозможное присутствие где-то рядом бывшего друга, и мальчишник, на который она, судя по всему, так и не сможет попасть, и все будущие перемены, какими бы они теперь ни были, хорошими или катастрофически плохими. Всё стало походить на кошмарный сон, от которого она не в состоянии самостоятельно пробудиться.

Не веря в происходящее, она тихо произнесла:

– Что ты здесь делаешь?

Вопрос показался ей настолько нелепым, что самой немного стало смешно.

– Спасая тебя, – невозмутимо ответил голос.

– Я ничего не понимаю, – чуть громче промолвила Маша. – У меня точно не глюки?

Было слышно, как Павел слегка усмехнулся.

– Ну, слушай, – сказал он. – Даже если бы я был голосом в твоей голове, то непременно убедил бы тебя в том, что это реальность. Можешь считать меня чем угодно. Главное, что я помогу тебе выбраться.

– Хорошо, если это так, – согласилась с доводами незримого Павла девушка. – А если ты не плод моего воображения, то возможно ли, чтобы в этот момент ты оказался здесь совершенно случайно? Я не знакома с теорией вероятности, но думаю, что возможность подобного совпадения близка к нулю.

– Так и есть. Не вижу смысла тебя переубеждать. И я здесь не случайно, и ты тоже.

– Тогда к чему все эти сложности? Зачем заточать меня в лифте, а потом спасать?

– Я не из лифта хочу тебя выволить, а из того тупика в твоей жизни, в который ты с таким упорством стремишься.

– Можешь с этого места поподробнее? Из какого такого тупика? И какого чёрта ты вообще озабочился моей жизнью? Два месяца назад тебе было наплевать на мои цели, тебе хотелось изменить собственную жизнь, хотя это никак не вписывалось в мои планы.

– Два месяца назад я не смог бы ни в чём тебя переубедить. Тогда у меня не было под рукой достаточных аргументов. Да и не думал я, что ты позаришься на эту сволочь. Хотя понимал, что ты абсолютно не разбираешься в людях.

– На какую ещё сволочь? О чём ты?

– О твоём Сергее.

– И этот туда же, – выдохнула устало Маша. – Ты, случаем, не знаком с Викой? Одну и ту же песню поёте.

– Знаком.

Этот вопрос вырвался из уст Маши совершенно случайно. Просто фигура речи. Однако ответ Павла её ошарашил.

– Вот как?! – удивилась она. – Интересно. Что вы от меня хотите? Зачем весь этот спектакль? Выпусти меня наконец! Я ничего не хочу слышать от тебя ни о Сергее, ни о твоих

дурацких планах по спасению моей заблудшей души. Слышишь? Включи лифт, и я выйду на сорок третьем этаже!

– Не бесись, – голос Павла продолжал сохранять спокойствие. – Ты права – Вика не просто так появилась на твоей вечеринке. Её задачей было убедить тебя в необходимости посетить этот адрес. Я познакомился с Викой на своей новой работе.

– Мне это не интересно. Плевать я хотела и на твою работу, и на эту дуру. Впрочем, я и сама повела себя не умнее. Идиотка. И зачем я сюда попёрлась?!

– Затем, что в глубине души сама понимала, что совершаешь ошибку. Намеревалась в этом воочию убедиться. Так ведь?

Маше неистово захотелось послать Павла куда подальше. Но ведь он был прав – именно сомнения толкнули Машу на этот необдуманный шаг, результатом которого и стала сложившаяся сейчас ситуация. И потому она промолчала и снова уткнулась лицом в колени.

– Чего же ты хочешь? – спустя минуту спросила она. – Только конкретно. Что я должна сделать или сказать?

– Ничего не надо говорить. Ты просто должна понять. Посмотри на монитор.

Маша подняла глаза. Панель лифта опять включилась в режим видео, и на экране появилась просторная комната, по которой, причудливо освещённые разноцветными красками от дискотечных софитов, передвигались обнажённые люди в карнавальных масках. Кое-кто из них возлежал парами или небольшими группами на широких ложах, имитирующих древнеримские, занимаясь непристойностями. Чуть более одетые дамы разносили на подносах бокалы, наполненные вином, и фрукты. Маша не сразу поняла, что это тот самый офис на сорок третьем этаже, куда и намеревалась она попасть двадцать минут назад. Картинка больше походила на сцену из кино – что-то среднее между влажными фантазиями Тинто Брасса и завораживающим маскарадом из фильма «С широко закрытыми глазами» с незабываемым Томом Крузом.

– Что это? – спросила Маша.

– То, что Сергей устроил вместо мальчишника. Никого здесь не узнаёшь?

– Ты это серьёзно?

– Более чем. Я сейчас укрупню план.

Фигуры на мониторе стали увеличиваться, сменяя друг друга, пока камера не сфокусировалась на одной. Это был Сергей. Хотя лицо его и скрывала маска, но Маша без труда узнала его. Он находился в окружении двух девушек, в одной из которых Маша в ужасе распознала его двоюродную сестру. Так, по крайней мере, он представил её однажды Маше.

От увиденного всё похолодело внутри. Это точно не кошмарный сон? Маша ущипнула себя. Нет. Это была реальность. Именно та, о которой говорила ей Вика и которую она сама предчувствовала последние три недели. Но зачем? Если всё это так, зачем понадобилась она Сергею?

– Зачем? – это единственное, что вслух смогла проговорить Маша.

– Затем, – ответил Павел, отключив видео на мониторе, – что отец поставил Сергею непрекращаемое условие непременно жениться, и только после двух лет супружеской жизни он мог сделаться полноправным наследником всей компании.

– Глупость какая-то.

– У богатых свои тараканы в голове. Так было, так есть и так всегда будет. Даже не пытайся понять. Через пару лет ты лишилась бы всего – и чести, и друзей, и работы, и даже, может быть, смысла жизни. Это стало бы для тебя слишком жестоким уроком.

– Но как ты смог проверить всё это?

– Ты всегда сомневалась в моих талантах. И напрасно. Когда-то отец Сергея попросил меня установить камеры и жучки во всех офисах фирмы. Дела компании шли очень плохо – огромные финансовые утечки, внезапные препоны со стороны властей, участвовавшие про-

верки... Когда я увольнялся, то сохранил для себя кое-какой доступ ко всем этим прилудам. В службу безопасности набрали каких-то бестолочей, что, впрочем, не удивительно, учитывая отношение твоего босса к людям. Я не ошибся, думая, что этот доступ рано или поздно сможет мне пригодиться. Так я узнал о твоём сближении с этим животным. Таким же образом подслушал и его разговор с отцом, из которого мне стали понятны мотивы Сергея сделать именно тебя своей фиктивной женой. Ты понравилась его отцу. Он был уверен, что ты сумеешь остепенить извращённую натуру сына. По крайней мере, на то время, пока не наладятся дела в компании. Отец, в силу своей болезни, уже не мог полноценно ей управлять. А других сыновей, к сожалению, у него не было. Совет директоров за его спиной уже начал вести свою игру, понимая, в каких руках в скором времени может оказаться фирма. Знакомство с Викой и её рассказы о Сергее ещё больше убедили меня в том, что ты в опасности. Я не мог закрыть на это глаза, хотя, если честно, был очень на тебя зол.

– Не больше, чем я на тебя, – перебила Маша.

– Но это уже не важно, – продолжил Павел. – Важно, чтобы ты сейчас вышла из лифта и больше не возвращалась на фирму.

– Но я не могу. Как?

– Очень просто. Расторгни все отношения с этим ублюдком. И уволься. Или тебе всё ещё недостаточно того, что я тебе показал? Могу снова включить прямую трансляцию. Сейчас веселье на самом пике.

– Не надо! – крикнула Маша. – Допустим, я уйду из компании. И что дальше? Если всё так, как ты говоришь, то Сергей сотрёт меня в порошок прежде, чем я смогу придти в чувства. Ты же понимаешь, что с моей стороны всё было искренне? И наша с тобой размолвка, и мои симпатии к этому человеку. Боюсь, что я этого не переживу.

– Не сотрёт он тебя ни в какой порошок. Хоть мерзости в нём больше, чем можно вообразить, но власти и возможностей не так много, как многие полагают. К тому же у меня теперь имеются веские аргументы для его папы. Уж у того-то сил ещё хватит, чтобы расставить под конец жизни правильные акценты. А наша фирма, где я работаю, нуждается сейчас в хорошем юристе. И у нас огромные перспективы. Если ты заметила, этот лифт оборудован моими изобретениями, теми, которые с таким упорством всегда отвергал Сергей. За нами будущее. А компания твоего женишка застряла в далёком прошлом. Ей всё равно не выжить. Ты уж поверь мне.

– А где ты сейчас? – спросила Маша, внутренне уже готовая принять предложение Павла.
– Как ты подключился к этому монитору?

– Я в аппаратной. Пришёл под видом ремонтника Вячеслава. Мне дали доступ к системе управления. Камеры в офисе устанавливал не я. Просто знал, что они там есть. А эти идиоты не удосужились позаботиться о своей конфиденциальности. Похоть, видимо, размягчила мозги.

– Ты в этом здании?

– Да. Когда выйдешь из лифта, подожди меня в вестибюле. Там мы встретимся, и я отвезу тебя домой, если не захочешь более подробно обсудить моё предложение.

– Хорошо, – согласилась Маша.

Свет в кабине снова на секунду погас. Потом лифт пришёл в движение, так что затёкшее от долгого сидения тело ощутило лёгкую невесомость.

Двери послушно открылись на первом этаже. На мониторе опять появилось знакомое улыбающееся лицо девушки.

– Удачного вечера, Мария, – сказал приятный женский голос. – Надеемся, что вы добились желаемых результатов. Если это не так, то не отчаивайтесь. У вас всё ещё впереди.

«Ну надо же, – подумала Маша. – Как же это невероятно. И в то же время как глупо...»

Прошёл месяц после того случая в лифте. Месяц, который снова перекроил жизнь Маши по совершенно новым лекалам. Как это чаще всего и случается, страхи по поводу предстоявших разговоров и необходимости совершать поступки оказались куда сильнее, чем того требовала реальность. С Сергеем особо даже не пришлось говорить. Он сам сначала отдалился от Маши, ничем не объясняя свою отстранённость, а потом просто поставил девушку перед фактом – свадьба отменяется и вообще отношений между ними больше не будет. То ли таким образом повлияло на ситуацию послание с компроматом от доброжелателя, пришедшее на имя отца Сергея, то ли несостоявшийся жених решил по собственной воле выложить перед отцом все свои карты – об этом Маша так и не узнала наверняка, да не больно-то она и хотела это знать. Почувствовав в душе невероятное облегчение, она и тем осталась довольна.

Через две недели, предварительно написав заявление об увольнении, она навсегда покинула фирму. Ради приличия целый месяц просидела дома, приводя в порядок задвинутые на вечное «потом» бытовые проблемы. А затем, воспользовавшись поддержкой Павла, устроилась в «Парус». Отношения с Павлом хотя и сделались чуть ближе, но такими, какими были они до размолвки, уже не стали. Тем более что у того, как и предполагала Маша, была невеста. Да-да, та самая Вика, тоже поучаствовавшая в судьбе Маши. Как ни странно, но с ней сблизиться получилось. На месте Вики Маша, наверное, не стала бы так рисковать и постаралась бы держать бывшую почти невесту своего парня на расстоянии. Но Вика доверяла Павлу и не видела причин беспокоиться. И такая неожиданная дружба больше всего поразила Машу. Раньше она не думала, что подобное вообще возможно. Впрочем, совсем скоро появился и у неё ухажёр, весёлый парень из технического отдела с редким именем Евдоким. Теперь Маша открывалась всему, что предлагала ей жизнь. Она больше не строила каких-то особенных планов, не цеплялась за любые, даже призрачные, возможности ради движения вверх по карьерной лестнице. Она просто наслаждалась мерно текущими днями, неделями и месяцами, наслаждалась общением с по-настоящему близкими людьми, уверенная в том, что они не предадут и в трудную минуту обязательно протянут ей руку. От прошлой жизни остался у неё только один-единственный страх – отныне она больше никогда не заходила в лифт одна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.